

Ефрем Татевосян



«Воевода»
Воеводин

74.5 (43к) - 4117/7
Т 23

Ефрем ТАТЕВОСЯН

«ВОЕВОДА» ВОЕВОДИН

Воспоминания и признание в любви
благодарного коммунарца-армянина

**Дугавської області
Алчелська ЦСБ**

**КЗ Алчелська ЦСБ
ЦБ**

Ереван
Авторская издание
2013

УДК 622:669:378
ББК 33+34.3+74.58
Т 234

Т 234 Татевосян Е.
«Воевода» Воеводин/ Е. Татевосян.— Ер.: Авт. изд., 2013.-124 с.

Книга Е.Б. Татевосяна представляет читателю воспоминания о ректоре Горно-металлургического института города Коммунарск (ныне Донбасского государственного технического университета) Юрии Михайловиче Воеводине в связи с его 90-летием.

УДК 622:669:378
ББК 33+34.3+74.58

ISBN 978-9939-0-0807-3

© Татевосян Е., 2013



ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОЕВОДИН

ДОЛГ СЕРДЦА

*Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть уйдёт — а ты прибудешь вечно.*
Вильям Шекспир

Человеческая жизнь — безграничное жерло событий, происшествий, напастей, видимых и невидимых желаний, поступков и созиданий, больших и малых продуманных и осознанных «извержений», и мы, как пытаюсь понять, подобно иголке в стоге сена, подобно пылинке, блуждающей между небом и землей, пропали бы на веки вечные, превратились в непонятные нашему человеческому типу неизменяемые существа, если бы природа не одарила нас венцом-качеством человеческих дарований, имя которому - память.

Связывая между собой прошлое, настоящее и будущее, память, как любят формулировать психологи, придает непрерывность опыту и самосознанию человека, становится основой для формирования неповторимости и определенности человека. Глубокое воздействие здесь оказывают личные побуждения, интересы личности и многие другие разнообразны черты, которые, в свою очередь, несут в себе обратное воздействие личных качеств памяти. Так что с полным правом можем утверждать, что человек является итогом своих переживаний: что мы запоминаем, какую зна-

чимость придаем своим воспоминаниям, как оцениваем их, какую часть их достойно передать своим наследникам, востребователям грядущего.

Я назвал человеческую жизнь безграничным жерлом «извержений». Здесь, конечно, не обошлось без преувеличения, просто хотелось подчеркнуть, что в тысячах складок этого «жерла» смешаны тысячи клубков воспоминаний, полезных или бесполезных, нужных или ненужных, повседневно употребляемых или эксклюзивных, ценных запасов, которые мы считаем непреходящей частицей нашего человеческого существа, нашей непосредственной жизни. Воспоминания, своей квинтэссенцией и проблесками, составляют наше величайшее завоевание и достижение, придают смысл нашей жизни, позволю себе сказать — преисполняют блаженством нашу сущность, что имели счастье дни и годы, десятилетия подряд общаться с роскошью «безграничного жерла», именуемого жизнью, людьми — носителями этой роскоши и стремиться по возможности уподобляться им, без которых жизнь, пожалуй, сложилась бы иначе, и ты, возможно, не стал бы таким, каким есть сегодня — довольный выпавшей тебе судьбой... И чем больше время отдаляет тебя от истоков воспоминаний, людей, вспоминая о которых, все более ценишь всю красоту общения с ними — тем больше ощущаешь обязанность осмыслить и оценить их роль и значение для тебя: с первых дней вашего знакомства до того печального момента, когда они покинули жизнь, продолжая вечно жить с тобой как неотъемлемая частица твоего существа...

Один выдающийся мыслитель и поэт в момент гнева ли, восхищения ли заметил: «некоторые являются для нас лупами, посредством которых мы читаем

собственные души». То есть происходит процесс самопознания, в том числе и преодоления труднейших препятствий. Вот и я на собственном примере должен заверить (как не раз признавался), что ректор ново-созданного Горно-металлургического института города Коммунарск Юрий Михайлович Воеводин в моей жизни сыграл роль именно такой «лупы», помог познать самого себя, сделать верный выбор жизненного пути и в конечном счете стать тем, кем удалось стать в не столь далекие советские времена, когда людей, как правило, оценивали по их делам, а не по виртуозному пустословию.

Воеводин поражал всех нас своими глубокими знаниями, величайшей преданностью своему делу, соответственно - и Родине, а также исключительным человеколюбием. Добавлю также чувство справедливости, которая для него была и нравственным критерием, и образом жизни. Подобно многим, он мог бы работать исключительно для себя, стать выдающимся ученым, прекрасным обществоведом, но при всем этом потенциале он был кристальным человеком, будто рожденным подтвердить мысль Маркса о том, что если человек работает только для себя, возможно, станет известным ученым, будет крупным мыслителем, замечательным поэтом, но ни в коем случае не совершенным и великим человеком.

Я сейчас не в том возрасте, чтобы стремиться, хотя бы задним числом, льстить моему безвременно ушедшему из жизни ректору. В руководимый им институт я поступил многие годы назад, после службы в армии. Он ушел из жизни в расцвете сил, когда я уже распрощался с институтом и по приглашению ЦК КП Армении возвратился домой и был избран секретарем партрайкома в моем родном Егенадзоре.

Здесь меня и настигла весть о кончине любимого человека.

Мы по-разному воспринимаем кончину близких, родных людей. Конечно, речь идет не только о слезах, участии в поминках и похоронах, выражении соболезнования, утешении близких или своем поникшем виде... Хорошо сказано: «Когда бы мне ни выпало умереть, хочу, чтобы хорошо знающие меня люди говорили, что я всегда пропалывал терновник и выращивал цветы везде, где, как мне кажется, могут расти цветы». Какое облегчение жизни и смерти, какое поборничество пропалывать терновник и сажать всюду цветы, какое прославление вечности жизни и какое самосознание преходящести смерти! Вспоминаю это высказывание, и передо мной, умудренным жизненным опытом, встает образ Юрия Воеводина, который на протяжении всей своей жизни именно пропалывал терновники и сажал цветы в буквальном и переносном смысле слова. Я не представляю его скончавшимся. Человек, пропалывающий терновники и сажающий цветы, не умирает - его кончина подобна закату солнца, за которым непременно последует рассвет.

... Мои институтские друзья из далекого Коммунарска позвонили и сообщили, что готовятся торжественно отметить 90-летие со дня рождения Юрия Воеводина и по этому поводу готовятся издать книгу памяти. Намекнули и о желательности моего участия. Звонок не оказался для меня неожиданностью, не стало сюрпризом и предложение. Чувство долга, все время терзавшее мое сердце, побудило взять ручку и написать эти страницы воспоминаний о Юрии Воеводине. А вспомнить есть много чего.

С ГЛУБОКИМ ЧУВСТВОМ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ...

Детство и юность я провел в райской долине Армянского нагорья, выше облаков и ближе к солнцу, под гордым взором библейского Арарата и среди буйства полевых цветов... И каждый раз с наступлением весеннего утра, в каком бы уголке мира ни находился, в душе моей вновь и вновь плещутся цветы моего детства, обволакивая меня своим вечным шелестом и шепотом, заревом красок, покрывающим землю и небо...

Но теперь я должен попрощаться с впечатлениями детства и юности, родным селом Хачик, его садами и цветами... Они не обидятся на меня, не отвернутся, не станут роптать — они поймут меня...

Время подхватывает меня своими крыльями и уносит. Его величество время преподносит множество сюрпризов, делает известным неизвестное, невозможное — очевидным, приближает нас к конечной точке, обремененным воспоминаниями... И как опытный ювелир безошибочно определяет «статус» драгоценного камня или металла, время помогает познать нас самих и наше окружение... Людей... И первым среди них был для меня ректор Коммунарского горно-металлургического института Юрий Воеводин.

Абсолютной ценностью во все времена считался лишь борющийся человек. На наших глазах Воеводин

вершил большие дела, будучи «всего лишь» руководителем одного вуза. С годами я убедился, что он, без преувеличения, был на голову выше окружающих себя людей, несомненно, самым умным, несомненно, самым искренним и справедливым, несомненно, самым смелым и добрым. Я, долгие годы знавший его, готов все более и более сгустить мои оценки, если бы только все накопившееся в моем сердце возможно было выразить скромными возможностями моего знания русского языка. Воистину, сейчас, когда брался за ручку — языковые ограничения все более дают о себе знать. И надеюсь, читатель простит меня. Ведь порой весьма трезвые и бдительные друзья пытаются удержать меня от чрезмерно восторженных высказываний: «Ты обожествляешь Воеводина. Несомненно, был хорошим человеком — и все». Но разве этого мало? Я не могу предать свою искренность и не сказать, что каждому из нас, в том числе и мне, встречалось немало людей, которые украшают собой жизнь, своими делами облегчают бремя страны, людей, частенько удостаивающихся высших наград. Но все же, будучи окружен подобными людьми, мне не довелось встретить второго Воеводина. Он как бы сконцентрировал в себе все исключительное, жил и действовал именно как исключительность. Мне всегда казалось, что он думал... сердцем, говорил и общался... сердцем, порицал и возмущался... сердцем и сердцем же любил и... изнашивался.

Учебное заведение, ставшее колыбелью моей молодости и возмужания, решило увековечить память человека, общение и дружба с которым обогатили меня прежде всего высокой моралью и нравственностью, чувством безграничной преданности великой советской стране, преисполнило мою душу стремлением в любой ситуации быть уважительным и внимательным к окружающим меня людям. Жизненный опыт подсказывает, что когда к человеку, даже плохому, относишься так, будто он лучше, чем есть в действительности — поощряешь, побуждаешь его действительно стать лучше. Много позже мне довелось понять, что самое ответственное лицо в институте, ректор, именно так и поступал с нами: при каждой встрече незаметно, неуловимо шлифовал нас, изживал из наших характеров поразительно точно уловленные им нежелательные, неотесанные черты и столь же неуловимо прививал такие черты, которые постепенно утвердились как достоинства, делали привлекательным наш гражданский, более того — человеческий облик. Видели ли вы, как растет саженец: при ежедневном наблюдении почти ничего не заметно, но спустя некоторое время на твоих глазах вырастает целое дерево. То же и с человеком: со временем перед тобой вдруг оказывается некто совершенно новый человек, отличающийся прекрасными чертами характера, готовый быть полезным для общества. Великие люди, выдающиеся личности вообще внушают окружающим, что достижение новых высот в жизни, преодоление трудностей не монополия исключительных, они присущи каждому, даже сломленному и разочарованному. Я, конечно, не был таким, но общение с Воеводиным приба-

вило во мне энтузиазм и энергию, постепенно что-то меняло в лучшую сторону. Волею судьбы мне пришлось служить солдатом в Луганске. И именно здесь, досрочно демобилизовавшись, благодаря отеческому отношению окруживших нас заботой военных начальников, вместе с несколькими ребятами оказался в Луганске как участник вступительных экзаменов в новообразовавшемся вузе. Признаюсь, мне, молодому человеку из далекого армянского села, абсолютно не показалось странным такое отношение: я четко сознавал, что в советской стране молодое поколение окружено заботой, а дети погибших в Великой Отечественной войне — тем более. Любовь и внимание к ним были теми крыльями, на которых они должны были устремиться ввысь...

Меня и двух моих друзей пригласил на беседу командир части, сообщил, что нас досрочно демобилизуют для поступления в вуз, наказал высоко держать честь родного батальона, не обесценить их выбор, сделанный среди сотен. По очереди пожал руки каждому, организовал проводы, на которых прозвучало немало добрых пожеланий и напутствий. Можно сказать, что в этот день я поднялся на новую ступеньку зрелости... Что это было — удачей или закономерностью. И в воинской части, где служил, и в институте, где учился, а потом и преподавал — всюду я встречался с добротой и гуманностью. И должен сказать, что самым видимым среди носителей этих качеств был именно Юрий Воеводин... И знаете, насколько трудно и ответственно было жить, учиться и работать рядом с таким совершенством, когда возникало стремление уподобиться ему, постичь его, сохранить в чистоте созданные им отношения, неуклонно идти вперед проложенным им путем.



Главный учебный корпус



Ю.Воеводин — в армии



Первый учебный корпус

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ И... НАВСЕГДА...

Занятия закончились. Коридор моментально заполнился юношеским оживлением — шутки, смех, толкотня...

Я еще не вполне освоился и скучал по воинской службе, тем более в те мгновения, когда утренний сумрак прорезался лучами зари и неожиданно исчезал, будто убегая от золота восходящего солнца...

Рота строится на смотр... И полусонная стая птиц на ближних деревьях устремляется к недалекой роще и растворяется в кроне вековых дубов.

- Раз-два, раз-два, раз-два...

Утренняя свежесть холодит полуоткрытые подмышки солдат, расчесывает волосатые груди, мышцы, играющие на бицепсах, плечах и как бы демонстрирующие силу и закалку...

Я не мог отвлечься от воспоминаний... А в коридоре стоял гвалт — свободный беспечный институтский...

Очередная группа девушек пересекла коридор из конца в конец, привлекая пристально-растерянные взгляды наши и других молодых людей, прилипших к стенам и не сводящих глаз с их стройных фигур...

Неразлучной троицей, сдружившейся с первых же сентябрьских дней (и оставшейся таковой все пять лет

учебы) — Николай Миронов, Анатолий Макагон, Ефрем Татевосян, - мы еще не освоились в студенческой жизни, и, пребывая в непривычном поиске, избегали привлекать «в свои ряды» новых друзей...

Общежитие было недалеко, проблемы с тем, чтобы быстренько добраться до остановки и влезть в автобус, тоже не было.

Выходя из института, несколько расслабились: Коля разбежался, чтобы перепрыгнуть траншею, которую строители еще не успели засыпать... Стены корпуса-новостройки быстро росли... Уже знали, что будут организованы субботники, что настанет и наша очередь придти на помощь строителям... В годы учебы в школе у нас также иногда прерывались уроки — выходили помогать колхозу. Трудные были времена, ученики иногда, прибегая к всевозможным уловкам, избегали субботников. Конечно, учителя знали этих маленьких хитрецов и не слишком хотели отвести их в поле, доверять работу... Было и другое обстоятельство — они мешали бы другим, становились бы излишней головной болью...

Я любил труд... Если знал, что на следующий день предстоит поработать, особенно когда на приусадебном участке оставались незавершенные дела, всю ночь не спалось — постоянно ворочался под одеялом, ожидая рассвета. Да нет, какой там рассвет — еще до того, как забрезжит свет, я уже умывался под краном и с рабочими инструментами — лопатой, косой, - на плечах отправлялся в поле. Мысль, что своей работой помогаю маме, преисполняла сердце радостью. По пути к полю мама частенько специально отставала, наверно чтобы полюбоваться: как сын вырос, повзрослому вмешивается в домашние дела. Да, с ранне-

го возраста полюбил я труд и стремился как можно порадовать овдовевшую в молодые годы матушку...

Вот бы и нас, первокурсников, взяли на строительство.

Пошевелил плечами, почувствовал, что мышцы готовы к работе и именно в работе... отдыхают. Человек, воистину, отдыхает трудом, поскольку гордится, радуется своим творением...

Я был сравнительно высок ростом. Но это — дар природы. Потому и должен был всегда оправдывать свое физическое преимущество. Так было в армии. И сейчас, когда уже стал студентом, должен был быть «на высоте» и в учебе, и в преодолении тех или иных трудностей студенческой жизни.

...Коля потянул за руку, а Анатолий уже ржал, качая головой:

- Посмотри-ка на того человека... Извелся весь... гоняет машину взад-вперед... Будто на гору взбирается, взбирается — и скатывается обратно...

Анатолий посерьезнел:

- Какая там гора?.. Помочь надо...

Анатолий приблизился на несколько шагов и повернулся:

- Ямка гаража словно раскрытая пасть зверя... Боятся поставить машину на нее.

«Москвич» попятился назад, чтобы снова попытаться осторожно въехать в гараж. Опять не удалось. Неопытный водитель медленно вылез из автомашины и посмотрел на нас.

- Эй, герои, можете поставить машину на ямку?.. Буду благодарен... - и снял очки.

Анатолий откликнулся:

- Герои-то не герои, но вот наш товарищ может... -

и шепотом - ко мне: — Ну, Ефрем, смотри, не опозорь нас...

Знал, что в армии я был водителем.

От гаража нас отделяло несколько шагов, я подошел к издали выглядевшему пожилым человеку, который оказался абсолютно не стариком: шикарная внешность, аполлоновская красота, рыцарская осанка: крепкий мужик, волосы аккуратными волнами зачесанные назад...

- Осторожно, сынок!

Я медленно отвел машину назад, потом аккуратно поставил над ямкой. Не спешил вылезать из машины, ибо узнал незнакомца. Сомнений не оставалось — это именно он всегда приходит в институт за 15 минут до начала занятий, в дождливые дни берет положенную у входа щетку, чистит заляпаные грязью башмаки и не спеша расправляет закатанные штанины... Кто бы это мог быть?.. Тот почувствовал мое смущение...

- Ну что, Ефрем, - окликнул Коля, заметив мое замешательство — наслаждаешься своим мастерством?..

Наконец, я вылез из кабины.

- Ну, ребята, спасибо... Когда у вас кончаются занятия?..

- Без двадцати два...

- Завтра зайдете ко мне...

- К кому?

- К Воеводину... Ректору института.

Все мы разом побледнели. Ни больше, ни меньше — мы оказались перед ректором нашего института и позволили себе мальчишескую вольность в присутствии столь почтенного и доступного человека.

Понуриив головы, стояли у гаража. Анатолий прошептал:



Марта Степановна и Ю.Воеводин



Бюст Ю.М.Воеводина



Выступление Ю.М.Воеводина в связи с новым учебным годом



Колесникова Ирина Павлова



Височин Борис Михайлович



Николаевский Сергей Павлович



Цветков Валентин Петрович



Фадеев Василий Васильевич



Ленович Аркадий Семенович



Носов Алексей Василч



Татевосян Ефрем Багратович



Студенты — ПГС 76-6 группы: Виктор, Ирина, Татьяна, которые просили ректора, чтобы Татевосян стал их куратором (1978г.).

- Нехорошо получилось... Наш ректор нуждался в помощи, а мы смеялись...

- Хорошо, что не узнали, если б узнали — наша помощь не имела бы никакой цены... Из ста студентов все сто охотно бросились бы на помощь и сделали все, чтобы запомниться ректору... Точно, мы плохо себя повели...

- Почему ректор вызывает?.. Что ему говорить — оправдываться?..

Молча дошли до улицы Фрунзе, безмолвно поднялись на свой этаж общежития, пересекли коридор и замерли перед нашей комнатой... Чувство вины не давало покоя... В тот вечер мы даже книжки не раскрыли... Скрючились тихо молком под одеялами. Интересно, чем закончится наш визит, какой сюрприз ждет нас? Утешались немного — выглядит хорошим человеком, ничего плохого не случится... Поблагодарил ведь...

Ранним утром на одном дыхании добрались до института. Вот вам случай, когда люди порой становятся смешны, абсолютно не будучи смешными.

С последним звонком собрали тетради и быстро оказались у входа в приемную ректора... Осторожно открыли дверь, и секретарша встретила нас с ободряющей улыбкой:

- Пришли, ребята?.. - открыла дверь кабинета и пригласила нас, троицу без вины виноватых, во внутрь.

- Заходите, заходите, располагайтесь... - ректор снял очки, как будто хотел получше нас рассмотреть.
- Расскажите-ка, как поживаете, какие есть трудности?...

Откликнулся Коля:

- Спасибо, Юрий Михайлович. Живем в общежи-

тии, в одной комнате...

- Дальше, дальше... Расскажите о себе, о своих родных... Деньгами помогают?.. Знаю, студенческая стипендия не такая, чтобы ни в чем не нуждаться...

Мы молча посматривали друг на друга, не зная, что сказать.

- Кое-что здесь помечено... Посмотрел ваши личные дела... Ну что - не верю, чтобы бытовых проблем у вас не было... Ну, Ефрем, что вы скажете?..

Прожамлил:

- Юрий Михайлович, по вечерам работаем... Трудно, но...

- Как это?.. Вы прежде всего должны думать об учебе... Наверное, у вас и языковые проблемы есть... Все свое время вы должны посвящать учебе...

И изменил тон разговора:

- А где работаете?

- На вокзале... Ночью...

- Вот оно что... Ночью... Что разгружаете?..

- Замороженное мясо... Трудновато немного... На спинах иногда царапины, синяки. Но не жалуемся — неплохо платят... Да и на уроки не опаздываем...

- Успевать на уроки не значит нормально заниматься... Вы должны ходить и в читальный зал, и в библиотеку, конспектировать литературу, участвовать в мероприятиях студенческого научного общества, готовить доклады, словом, чтобы в конце концов — прийти на смену нам, старикам... Стать опытными организаторами производства... Продолжать?.. Так вот, зайдите к моему заместителю... По хозяйственной части... Игнатов Семен Кузьмич... Он предложит вам другую оплачиваемую работу... А теперь свободны... До свидания...

Что мы думали — и что получилось!..

Спустя несколько дней уже знали, почему ректор почти по колено бывает в грязи, хотя на работу приезжает на служебной машине. Расспрашивать кого-то не пришлось — сами увидели. Из-за испорченных часов Коли в тот день проснулись на час раньше и бегом добрались в институт. Никого еще не было... Решили немного походить вокруг строящихся корпусов и посмотреть, как там идут дела. Вдали увидели ректорскую машину, водитель, положив голову на руль, дремал. Спустя некоторое время появился и сам ректор в окружении прорабов. Те горячо беседовали, что-то объясняли ректору. А он внимательно слушал, вероятно, давал поручения, встречая понимающие взгляды собеседников...

Как потом выяснили, картина эта повторялась едва ли не каждый день — рано утром в один и тот же час... Не были исключением и дождливые дни... Когда на стройплощадках скапливались лужи, все, и ректор в их числе, вынуждены были шагать по колено в грязи... И никаких исключений...

Как и обещал ректор, спустя два дня его заместитель вызвал нас. Разговор был коротким:

- Это поручение ректора: решили, что в третьем учебном корпусе будете работать ночными вахтерами... Раз в десять дней будете сменяться... Единственное обязательное условие — не нарушать дисциплину... У вас будет отдельная комната, заниматься будете там, так что получится, что еще и работаете... И на зарплату жаловаться не придется... Вместе со стипендией — точно профессорский оклад.

В тот же день мы отправились в третий корпус, находящийся на улице Чапаева, недалеко от главного

корпуса. Пеший путь. Как в сказке: с неба три яблока упало... Теплая комната около входа, нешатающийся стол со скатертью, даже настольная лампа, другие удобства... Что еще было нужно, чтобы нормально работать и хорошо учиться... Одним словом, спать, конечно, не приходилось — ночь проводили не смыкая глаз, но по сравнению с разгрузкой вагонов это был рай...

Вот так впервые я встретился с Юрием Воеводиным, и до конца дней своих буду наслаждаться счастьем воспоминаний, что был его студентом, работал рядом с ним, дружил с ним, старался руководствоваться его примером, стать таким же добрым, доброжелательным, как он. Он никогда не подчеркивал особое значение своих деяний: люди сами замечали и ценили его прекрасные человеческие качества, и в первую очередь проявленное внимание и заботу о них. Кстати, подобно заботливому отцу, после нашего трудоустройства не было ни одного случая, чтобы он дал как-то почувствовать оказанную нам поддержку.

Я часто задаю сам себе вопрос: а как поступил бы Юрий Михайлович в той или иной ситуации... И с его помощью нахожу ответ, определяю свою линию поведения...

После той первой памятной встречи мне очень хотелось снова встретиться с ним, взглянуть в глаза, поговорить о насущном, получить новые подтверждения того исключительно ценного, что присуще облику Воеводина, человека, для которого служение стране, людям является служением своему долгу, сутью собственного жизненного предназначения.

И это мое желание исполнилось... Наша вторая встреча также оказалась необычной и неожиданной.

Я учился на строительном факультете. В аудиторию входит декан Борис Михайлович Височин, что-то шепчет на ухо преподавателю Василию Акимовичу Дрешпаку и уходит.

Был последний урок. Прозвенел звонок, студенты покидают аудиторию. Дрешпак окликает:

- Татевосян, подойдите ко мне.

Удивился, но виду не показал.

- Декан попросил, чтобы мы вместе зашли в деканат...

Дрешпак и сам чуточку удивлен — какие дела могут связывать декана с новичком-студентом? Но озабочен был и декан. Редко случалось, чтобы его вместе со студентом приглашали к начальству. Набрал телефон ректора:

- Когда нам зайти?.. Сейчас?.. Идем...

Ректор указал нам на стулья возле рабочего стола:

- Присаживайтесь, пожалуйста...

Я сел на самый дальний стул.

- Садитесь поближе, побеседуем...

И дружески начал:

- Завтра суббота, затем — воскресенье. Какие у вас планы?..

- Никаких, свободен...

Даже если бы и были планы, все должен был отложить.

Устремил взгляд на декана:

- Что скажешь об успеваемости?..

- Проблем нет...

Вновь обратился ко мне:

- У меня просьба... На своей собственной машине должен съездить в Харьков, повидать дочерей... Дорога длинная... Мне трудно будет съездить и вернуться...

Прошу, если не трудно, если есть время — половину дороги поведу машину я, а другую — вы...

И улыбнулся:

- Вождение-то не забыл?..

- В оба конца сам могу вести... Да и дорога чем дальше — тем лучше...

Пошутил:

- Выходит, это я тебе оказываю услугу ...

Невольно у меня сорвалось:

- Представьте, так и есть, Юрий Михайлович...

- Договорились?..

- Конечно... Завтра во сколько мне быть?..

- Я сообщу... Рано утром...

Затруднялся представить, что часы напролет просижу рядом с ректором, что потом познакомлюсь с его родителями, дочерями, переночую у них дома, вместе сядем за стол. Одним словом — целый букет приятных моментов...

По пути не было никаких сюрпризов. Я молчал, не задавал ректору лишних вопросов, на его же вопросы отвечал как-то смущенно, тщательно подбирая слова, стараясь покороче формулировать мысли... Вовеведин успел выпытать у меня, что отец мой, Баграт, был председателем колхоза и, имея бронь, добровольно ушел на фронт и... погиб. Много позже выдался повод подробнее рассказать ему об отце, о создании им мощного хозяйства в отдаленном от центра селе, о расширении населенного пункта, создании известной в республике средней школы, направлении почти всех выпускников на учебу в вузы, о том, как отменных хачикских молодых специалистов ценили республике. И еще о том, что Баграт Тадевосян обладал огромной физической силой легендарных сасунских богатырей

и что однажды даже схватился врукопашную с председателем Президиума Верховного Совета республики, также известным борцом Мацаком Папяном, и что их поединок завершился вничью...

- Я читал «Сасна црер», - поразил он меня. — Замечательный эпос, возможно, лучший в мире... Когда в 1939 году в Москве и по всей стране отмечалось 1000-летие вашего эпоса, мир убедился, что Армения одна из самых интересных краев на Земле, что армяне относятся к передовым народам цивилизации, и в древние времена, и в недалеком прошлом, когда армянскому народу грозил турецкий ятаган. Хорошо сказал Чаренц, что Армении ясное солнце и чистое небо дали только Октябрьские вихри...

- Вы читали Чаренца?..

- И Туманяна, и Раффи, и Исаакяна... Ваших романистов — старых и новых. Знаком с вашей историей, берущей начало с войны Айка и Бела и легендарной победы Айка... Знаю Арама Хачатуряна, Мартироса Сарьяна, гигантов оборонной промышленности, внесших колоссальный вклад в создание ядерного оружия... Знаю о всех армянских маршалах... Такими величинами восхищен весь мир... И впрямь, очень трудно быть сыном столь достойного народа...

Так во мне, подобно здоровому зерну, брошенному в плодородную почву, рос, формировался пленительный образ Воеводина-личности — море знаний, море доброты.

В Харькове раскрылись мне и яркие краски дружной семейной жизни Виктора Михайловича, черты, которые сохранились в моем сердце и возродились, когда я создавал мою семью...

Мать Воеводина, Антонина Андреевна, подобно ан-

гелу хранителю ходила из гостиной на кухню и возвращалась с нагруженными подносами. Как пчела на цветок склонялась к плечам членов семьи, обнимала сына и убеждала гостя из Армении угощаться без стеснения. Обращаясь ко мне, смущенно улыбалась, затрудняясь произносить непривычное имя и каждый раз просила прощения, обещая научиться верно произносить его.

- Вы уже как бы член нашей семьи, и я обязана верно произносить ваше имя... До вечера я свой урок выучу...

Мое внимание привлекли переполненные книжные шкафы. Такое количество книг я видел только в институтском читальном зале, да еще что-то похожее в родной моему сердцу хачикской средней школе. Не мог отвести глаз и от больших картин, на которых были изображены бескрайние русские поля и рощи. Не посмел подойти ближе и прочитать имена авторов полотен, обычно небрежно начертанные в уголках картин. Сколько мне еще предстояло учиться, узнавать! «Если хочешь действительно получать удовольствие от искусства, то должен быть художественно образованным человеком». Смысл этих воеводинских слов мне суждено было осознать позже, когда раскрыл свой мир искусства.

«ВСЕ РАБОТЫ — СВОИМИ СИЛАМИ!»

С древнейших времен нам заповедано, что не только счастье дружить с хорошими людьми, но и долг души — передать воспоминания о них поколениям, как дорогие и священные реликвии... Именно перед такой задачей я стою сейчас, сознавая, что, как говорили мудрые, в мире нет ничего, что было бы более достойно уважения, чем исполнение долга.

И так, в глубоком раздумье и почтении я сел за письменный стол, разложил листы белой бумаги, взял ручку, которой давно не приходилось пользоваться... Как завершится «сражение» с этими тремя «экзаменаторами», не могу сказать, но любой ценой долг души я должен выполнить, преодолеть свою неопытность, и пусть будет ощущаться недостаток мастерства изложения, зато меня утешит искренность сказанного, столь необходимая при передаче воспоминаний и впечатлений.

Я много размышлял о своих возможностях, пытался проверить свои силы, свою письменную речь, перебирал в памяти прожитую жизнь, вдохновлялся пройденным путем, раскрывая в себе дар до конца познать людей, особенно своих друзей, взвесить их достоинства, увидеть большее, чем видел, стремиться глубже осмысливать прочувствованное, чем было до некоторых пор...

Ежедневные общения с Юрием Воеводиным всегда обогащали меня новыми открытиями его человеческих достоинств. И признаюсь вновь и вновь, не так-то легко для меня взбираться на те высоты человечности, которых добрался столь уважаемый и любимый мною человек, тем более претендовать на то, чтобы выразить мои чувства обычными словами и предложениями.

Воспоминания и впечатления, которые я вынес из Коммунарска, остались для меня вечными ценностями. Главные страницы моей биографии освещены исключительно образом Юрия Воеводина — ученого, основателя и многолетнего руководителя научно-образовательного учреждения, учителя и воспитателя нескольких поколений, коммуниста и гражданина, заслуженного человека, удостоившегося широкой известности.

Может быть, поверхностно, лишь фрагментарно записывая некоторые мои воспоминания, пусть! но я заново переживаю прекрасные взлеты его земной жизни, которая до обидного рано прервалась. Меня всегда утешало чувство, что его жизнь продолжается и никогда не завершится, пока живет Коммунарск, существует наш горно-металлургический институт, пока в животворных артериях страны, подобно красным кровяным тельцам, живут, трудятся его многотысячные выпускники, которые своими знаниями и жизненным опытом приумножают силу, мощь и процветание страны.

Пример Воеводина-человека, как мне кажется, расширяет мысль, утверждает веру и убежденность в том, что страна, в которой мы с ним жили, была страной людей, создающих справедливое общество, где

все должны были участвовать в работе на общее благо.

И коль скоро положено, чтобы за рассуждениями следовали факты, приведу еще один пример из архива моих воспоминаний.

Я был одним из первых студентов института. На моих глазах вуз сформировался, обрел мощь, удостоился всесоюзного признания...

Поначалу центральный корпус не был полностью готов, занятия проводились в приспособленных помещениях, которые нуждались в ремонте, приведении в порядок. Таким было, например, здание школы на улице, носящей имя Чапаева, которое должно было быть полностью приспособлено к требованиям высшего учебного заведения. Состояние его и объем необходимой работы словами не опишешь. Именно здесь в полной мере проявились черты Воеводина-строителя...

Жребий был брошен: все сделать собственными силами. Ректор будто стоял на берегу бушующего моря и подставлял грудь волнам... Необходимость собственными силами отремонтировать неудобное для занятий здание, изменить планировку, перенести перегородки, привести в должный порядок аудитории, покрасить отжившие свой век окна, устранить неровности пола, обновить всю мебель, полностью переоборудовать здание — все это он представил на совещании аппарата новосозданного института. Всего коллектива! Никому ничего навязывать не будут, но правы будут те, которые отнесутся к делу, если можно так выразиться, «самопринудительно»... Коллективу доверено очень важное дело — основать современное высшее учебное заведение, дело, которое еще месяцы назад

считалось недостижимой мечтой. Сколько надежды, уверенности, реального отражения чаяний было в кратком выступлении Юрия Михайловича, сколько светлой определенности... в неясности будущего. Каждый думал о том, чтобы полнее реализовать свои возможности, увидеть воплощенными заразительную убежденность и веру руководителя, его чаяний и целей - такими, какими видел он сам... Эти устремления непременно должны были увенчаться победой...

Воеводин говорил спокойно, тихо. Но голос его проник в самые потаенные уголки души каждого из нас.

- В институте учатся пары и девушки, приехавшие из разных уголков страны. Они должны увидеть и убедиться, что трудности временны, все будет сделано, чтобы хорошо организовать учебу... Мы не только их педагоги, но и родные и близкие люди. Я бы хотел, чтобы они поверили в нас... И пусть девизом нашим будет «Все работы - своими силами».

Эти слова Воеводина были встречены восторженно. Что еще должен был и мог бы он сказать?.. Именно эти слова извлек я из глубин своей памяти - «Все работы — своими руками».

Я воочию увидел, как рождается сотрудничество людей, как формируется общность, имя которому — коллектив, товарищество, в основе которого - общее дело. Хорошо сказано: «Мы живем среди людей. Каждый из нас создан для взаимодействия, подобно рукам, ногам, глазам. Вместе люди способны сотворить то, что никогда в жизни не сделали бы поодиночке: сплочение мыслей и рук, единение усилий способны своротить горы». Неоспорима горьковская мысль о том, что никакая иная сила не делает человека вели-

ким и мудрым, как это делает сила труда — коллективного, дружного, свободного труда.

И как в этой всемогущей силе узнаются лучшие, как индивид трансформируется в личность, как обычное человеческое уважение превращается в почтение!

После занятий, особенно по субботам и воскресеньям, все члены коллектива института, независимо от занимаемых должностей и обязанностей, надев синие халаты, трудились в здании, прекрасно сознавая, что сдают серьезнейший экзамен своей жизни.

...Воеводин проходит с этажа на этаж, заходит к реконструируемые аудитории, беседует с «мастерами», поощряет лучшее, указывает на недостатки. Он конечно понимает: большое дело без изъянов не бывает, но главное — стремление справиться с ним честно и заботиться о нем, как о родном. Не случайно вспомнилось слово «родной»: без этого чувства родства трудно объяснить, как удавалось Воеводину поспевать повсюду, заглянуть в каждый уголок, следить за качеством работы и убеждаться, что все «его» коллектив выполняет действительно должным образом. С первого же дня люди начали осознавать, что плохая, небрежная работа одного, неуловимые с первого взгляда упущения способны стать причиной общего промаха. И я видел преимущественно преданность, взаимодействие, которые впоследствии послужили основой тому, чтобы Юрий Михайлович претворил в жизнь новые и новые задумки...

К примеру, за короткий срок должна была быть создана (и создалась) богатая учебная база — со своими лабораториями, стадионом и спортзалами, столовыми, медпунктами и службами услуг.

Бразды правления всего этого «бушевания», не

прекращавшегося ни днем, ни ночью, находились в руках (пусть простится мне невольный каламбур) нашего «воеводы» Воеводина. Я скажу одно — вы представьте десять. С тех пор минуло много лет, я встречался со многими командирами производства, опытными организаторами. Многие из них талантливые, опытные и знающие, преодолевавшие иногда даже безвыходные ситуации, грамотные, честные, энергичные, просто прекрасные люди. Но когда пытаюсь сравнить их с Воеводиным — невольно поднимаю руки вверх.

Я был на втором курсе, когда речь зашла о строительстве лабораторного корпуса. Функционировало всего три факультета. Не трудно представить, что без соответствующей учебной базы ожидать серьезных успехов означало бы орошать пустыню слезами... И вот в 1962 году быстро поднялись стены многоэтажного типового корпуса — с просторными светлыми аудиториями, лабораториями, спортзалами, оснащенными всеми необходимыми принадлежностями и удобствами.

Ну что ж, уважаемые, надо сказать, что эта и другие стройки не падали с неба... Даже подумать о них было трудно. Мечты и желания порой становятся плохими советчиками, когда нет необходимых финансовых возможностей.

Итак, должен был быть построен новый учебный центр. Всегда руководствовавшийся чувством общественного долга, в те мгновения, когда другие могли отступить, Воеводин, верный своей задумке и непоколебимый в своей решимости, упорно искал выходы. К таким поискам подтолкнула и идея строительства нового корпуса, на которое государственное финансирование не было предусмотрено. Как говорится, по-

терпели неудачу все его попытки «взять штурмом» Госплан. «Мобилизация» близких людей среди руководства также потерпела неудачу. Перед такими препятствиями у многих опустились бы руки. В лучшем случае — выжидали бы до благоприятной ситуации. Кстати, ему не отказывали, но и не шли навстречу... Впрочем, Воеводину и невозможно было отказать, но фактически отказывали, ссылаясь на ограниченные возможности республики.

Никому не сказал ни слова об «одиссее» с новым корпусом, чтобы не вызвать разочарования. Ведь сам пока не сдался. Неужто закрыты все дороги? Так не бывает!

В тишине рабочего кабинета сталкивались тяжелые вопросы: Что делать?.. К кому обратиться?... Как к кому?.. И как же он мог забыть — ведь рядом угольная шахта «Украина», одна из самых мощных!

Телефонный разговор с директором шахты постепенно потеплел взаимными комплиментами. Итогом стала мысль о том, что подлинная дружба заключается во взаимном содействии. Один поддержал замысел другого, и они вместе пошли вверх.

Шахта находилась в подчинении соседнего района. Возникла необходимость встретиться и с первым секретарем райкома, объяснить проблему... А она была очень проста: институт готовит специалистов и для шахты «Украина». Значит, здесь тоже должны быть заинтересованы в вопросе получения квалифицированных специалистов. А это означало — построить для будущих угледобытчиков учебный корпус — с аудиториями, лабораториями, спортзалом, столовыми, медпунктом и прочей инфраструктурой. Как с легкостью рассказали, с такой же легкостью райкому партии уда-

лось убедить республиканское руководство в том, что создание такого центра вытекает из интересов развития угледобывающей промышленности, увеличения в перспективе объемов эксплуатации шахты «Украина» и подготовки с этой целью новых квалифицированных специалистов. Вот вам интересы не только республики, но и даже всей страны...

Это было прекрасное сооружение, стены которого выросли в невероятно короткие сроки... Это был первый учебный корпус, насчитывающий 150 аудиторий, спортзал и бассейн — один из крупнейших в республике.

Здесь необходимо одно существенное отступление: в реальности никакой учебный центр... шахте не был нужен, не существовало и проблемы квалифицированных кадров. Но спустя некоторое время, после включения строительства в госплан и закладки фундамента, сооружение, в конце концов, перешло на баланс института.

Это была исключительная в своем роде стройка, привлекавшая к себе внимание всего вузовского мира Советского Союза: посещавшие по различным поводам Украину делегации уже заранее были настроены изучить работу Центра, его позитивное воздействие на учебный процесс. И в новосозданном институте, впоследствии переквалифицированном в университет, все делалось для постоянного роста знаний — как студентов, так и преподавателей, даже докторов и профессоров, для того, чтобы знания эти постоянно углублялись и служили основой для неуклонного развития способностей, творческих свершений специалистов.

Вот так лишний раз подтвердилась истина о том,

что если сказал Воеводин, решил Воеводин, поручил Воеводин и желает Воеводин — значит, сказанное, порученное, желаемое, решенное им осуществится любой ценой...

Вся республика венчала Воеводина прозвищем «Строитель» - и это было не какой-то высшей наградой, а реальной оценкой осуществленных им крупных инициатив. Он доказал, что для талантливых, трудолюбивых, бесконечно преданных делу людей не существует неприступных бастионов. Упорство преодолевает любые преграды. В мире нет вершин, которые рано или поздно не будут завоеваны напором. Такой вершиной стало в Коммунарске и строительство сразу четырех девятиэтажных общежитий. На территории, прилегающей к центральному корпусу, сформировался целый строительный городок.

Хочу отдельно рассказать о самой большой вузовской библиотеке республики, которая по своим масштабам и удобствам — книжный фонд, читальные залы, залы для кинопросмотров, научных докладов и диспутов, подразделения обслуживания, - действительно была шикарным архитектурным сооружением, притягивавшим к себе и гостей города. И не случайно, что честь открытия библиотеки в 1971 году была предоставлена министру высшего образования республики Юрию Даденкову.

По инициативе Воеводина была построена и замечательная студенческая столовая — просторная, светлая, удобная. Обычно вузовские столовые размещают в подвальных и полуподвальных этажах учебных заведений, не придавая должного значения простору объекта, вентиляции, не говоря уже о самом разнообразии, качеству блюд, в том числе и национальных.

Так вот, столовой студенческого городка Коммунарска была выделена видная, удобная центральная часть комплекса, неподалеку от всех корпусов и общежитий.

И это еще не все. Воображение Воеводина не знало границ. По соседству с городом Мелитополь Запорожской области, в красивом уютном местечке, прямо на берегу Азова был создан студенческий лагерь. Было заявлено, что сотрудники института и студенты могут на институтских автобусах бесплатно поехать и провести там свой отдых. Понятно, как сказались созданные условия на более эффективной организации дела образования...

В «сумасбродные» проекты Воеводина поначалу почти никто не верил... Вознесшиеся ввысь четыре общежития... Как можно было поверить в это, если во всем городе нигде не проводилось строительство такого масштаба, за исключением жилищного. Когда в холле института были вывешены панорамные архитектурные проекты будущей библиотеки и общежитий, а также указаны сроки строительства, весь институт (в том числе и скептики) преисполнился праздничным ожиданием. Все стали думать, что наш ректор не имеет равного себе во всей республике, тем более что наезжавшие в Коммунарск высокопоставленные чиновники, видя все сделанное собственными глазами, не без ревности были лично заинтересованы поощрить и рассказать где надо, каких результатов можно добиться личной инициативой и последовательностью руководителя. А между тем эти качества нашего ректора не раз подвергались серьезным испытаниям. Например, неожиданно трудным оказалось строительство библиотечного корпуса. Когда вырыли кот-

лован, выяснилось, что почва слишком мягкая, и пришлось еще более углубить фундамент. На этот раз заявили о себе подземные воды, заполнившие котлован и всю стройплощадку. Я много раз видел Воеводина шагающим по лужам...

Прекрасно помню новопостроенный бассейн с вышкой для прыжков. Открытие было праздничным: выступления, награждения, благодарственные речи... Никогда не забуду выражение лица Воеводина, просветленное ликованием и признательностью, светившихся в глазах сотрудников института и студентов...

Теперь попытаемся на секунду представить, что мы окружены подобными людьми: насколько легко и интересно было бы жить! Тоскую по нему, безвременно ушедшему нашему руководителю, честному, бескорыстному, преданному человеку, и, вспоминая* по своему богатому жизненному опыту его антиподов, задаюсь вопросом: почему люди портятся, почему пачкаются, притесняя, убивая, грабя, фанатично мечтая о креслах, накоплении богатства?..

Сколь опасны эти люди — высокомерные, самовлюбленные, ослепленные, упивающиеся собственной персоной, которые, не имея особых заслуг, претендуют на почести...

Ах! если бы были созданы хранилища высоких человеческих качеств, и нашелся бы способ прививать их всем живущим... Достойным такой сокровищницы лицом был бы Воеводин — человек-закваска высокой пробы, в которого мы все были влюблены еще при его жизни, и именно поэтому теперь просветляем свои помыслы дорогими воспоминаниями о нем.

Помнящие Воеводина люди его и моего поколения, верные зову собственной души, установили перед зда-

нием вуза его скульптуру. И эти мои скромные строки — тоже дань признательности ему.

КОГДА СЛЕЗЫ СОЧИЛИСЬ ИЗ СЕРДЕЦ...

Институт готовился торжественно отметить проводы своих первых выпускников. Праздничное настроение охватило всех. Специально готовились, наряжались. В нашей комнате общежития было небольшое зеркало. Столько подходили, смотрелись в него, что перевыполнили в несколько раз годовой «лимит». Скромные сорочки и немногочисленные пестрые галстуки сменяли друг друга, и всеровно не находилось возможности удовлетворить наши молодежные потуги быть самыми привлекательными.

И подобно грому с ясного неба, обрушилась вдруг трагическая весть. Один из выпускников, глядя сорочку, нечаянно коснулся открытого электропровода... В считанные мгновения общежитие опустело — суматоха, искаженные лица, слезы... Девчата, несмотря на праздничные наряды, стали похожи на смятые лепестки цветов... В вестибюле института яблоку негде было упасть... Тяжелая, гнетущая тишина время от времени нарушалась всхлипами рыданий, и вновь тишина — давящая, невыносимая...

Пришли ректор, преподаватели, работники различных служб института... Впервые мы видели ректора, будто согбенного под тяжелой ношей. Он не старался

и не мог скрыть слезы, которые текли по его щекам. В этот момент, по-моему, Воеводин плакал не только как ректор, выпускник которого стал жертвой трагической случайности, не только как главный ответчик, который обязан был обеспечить безопасность людей, но и как отец, по жестокой иронии судьбы потерявший сына на пороге самостоятельной жизни... Слезы Воеводина были слезами всех нас — слезы сожаления, боли, любви, какими в трагический час объединяются родные... Слезы, которые сочились из... сердец.



*Зеленов Анатолий
Борисович*



Вид перед университетом.



Університет готується відзначити 50-й ювілей.



*Министр высшего образования
Украины знакомится с
повседневной
жизнью университета.*



Министр высшего образования Украины и Ю.Воеводин беседуют у трапа самолета.



Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко и ректор Ю.Воеводин



*Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко и
ректор Ю.Воеводин*



*Ю.Воеводин, Герой соц. труда
Владимир Семенович Слесарев,
Герой Советского Союза
Бабанин Николай Андреевич*



*Ю.Воеводин знакомит министра высшего образования Украины
с повседневной жизнью университета*



*Ректор Ю. Воеводин и
министр Ю. Н. Даденков.*



Музей Ю. М. Воеводина.



Выступление Ю.М.Воеводина в связи с новым учебным годом



Ю.Воеводин и Герой социалистического труда Михаил Иванович Фомин



Первомайская демонстрация

ПО ЗОВУ «АРАРАТА»

Это были славные времена звездного пика футбольной дружины «Арарат». Команда побеждала, а значит, побеждала и наша республика, все армянство, в каком бы уголке мира ни жило оно. Не предупредив друзей, утром незаметно вышел из общежития и первым же автобусом отправился в Донецк смотреть поединок «Арарата» с «Шахтером». Команда шахтеров тоже была не из слабых, могла поставить на колени любого, но вдруг, ни с того ни с сего, порою проигрывала слабым командам. Она была непредсказуема. С дрожью в сердце поехал смотреть матч. Если бы друзья были со мной и «Арарат» проиграл — мне было бы трудно стерпеть их «шпильки», а если бы выиграл... Этим счастьем я сполна должен был насладиться в одиночку...

Помню, разразился проливной дождь... На поле стояли лужи... Так увлекся игрой, что и не думал о том, что промокну... Тем более — о последствиях... Игра была очень трудной. Но наши победили и стали недосягаемы еще до завершения первенства. Я испытывал поразительную легкость, гордость, мысленно представлял праздничное воодушевление на улицах Еревана... Был уверен, что на следующий день на промышленных предприятиях будут зарегистрированы самые высокие показатели. А мне-то что делать? Угощу друзей пивом, и весь день буду рассказывать о

виртуозной игре араратовцев. Стоило, право, ради этого хорошенько промокнуть...

Когда сел в автобус, люди посматривали на меня, как на инопланетянина — попал под дождь не нашел места, чтобы укрыться... В Коммунарск добрался совершенно больным... Прикинулся, что со мной ничего не случилось, парой слов рассказал об игре и кинулся под одеяло. В последующие дни положение мое усугубилось, но я почти не обращал на это внимания: физические данные позволяли мне быть беспечным. Но чем дальше, тем становилось хуже. Трудно стало даже ходить... Но не сдавался. Однажды в коридоре, на ступеньках встретил Воеводина... Удивленно посмотрел на меня:

- Что это я вижу?.. Есть проблемы?..
- Остался под дождем... Пройдет...
- Не двигайся с места, я сейчас приду...

Через пару минут возвратился с заместителем Семёном Кузьмичем Игнатовым. Поручил ему заказать на завтра такси... Должны были поехать в Луганск, в больницу... Как он был обеспокоен, постоянно внимательно поглядывал мне в глаза, наверное, понимал, что я серьезно болен. Наказал безоговорочно слушаться врачей, следить за лечением, ничего не упускать из виду... Обещал позвонить, поинтересоваться у врачей, как идет выздоровление... Врачи говорили, что частенько звонит, интересуется... Были поражены, что даже дает деликатные советы, намекает на какие-то лекарства, которые могли бы помочь выздоровлению.

Как родной человек, благодарил их за внимание ко мне.

Обеспокоенность ректора была не безосновательной. Болезнь заметно усугубилась, и не будь случай-

ной встречи в коридоре с Юрием Михайловичем — трудно сказать, сколь тяжелы были бы последствия.

Беседа с главным врачом была короткой. Специалисты были единодушны: ревматизм... Надо было незамедлительно ложиться в больницу, лечиться стационарно... Целый месяц от души провалялся на больничной койке, хорошенько отлежав ребра.

Вспоминаю и другие эпизоды, связанные с Воеводиным, эпизоды, о которых сотрудники института рассказывали друг другу полушутя, полувсерьез. Когда я перешел на преподавательскую работу в институте, подобные рассказы звучали и в моем присутствии — с улыбкой, шуткой, изредка с обидой, но всегда и в любом случае с глубочайшим почтением к авторитету Воевидина...

«НА КОБЕР»!

Советы и наставления, как правило, не в чести... Даже во время свадебной церемонии новобрачные почти не слушают обильно преподносимые им эти «яства», мысленно уже уносясь в ожидающие их счастливые мгновения... Еще более не согласен с теми, кто, полагая себя мудрым, умным и всезнающим, всегда продвигают свое «я» и личный пример... Тем более, как принять советы человека, который и свои-то личные дела уладить не способен, но выливает поток советов на других?..

В своей трудовой деятельности, к которой я еще вернусь, Воеводин поражал нас своими дельными, а главное — деликатными советами. Мы порой забывали, что с нами говорит обычный человек и невольно поддавались его обаянию — будь то на собрании, во время частной встречи или личной беседы. Общение с Воеводиным было насыщено глубоким человеческим, жизненным содержанием. Подлинный друг, близкий человек не в праве не интересоваться, как близкий ведет свои личные дела, как бережет составляющие своего счастья... Воеводин заметил (собственно, здесь вообще не было никакого секрета), что некоторые из сотрудников имеют слабость к горячительным напиткам — слабость, которая со временем могла привести к полному разрушению умственных, духовных и физических сил, а это означало, что постра-

дает от этого не только работа, но и расшатываются семейные устои — любовь, преданность, взаимное уважение, выполнение элементарных родительских обязанностей... Проникнуть в мир личных отношений, бродить по их тонким тропкам, подобно опытному хирургу проводить ланцетом по напряженным нервам, и никогда не терять доверия к себе того человека, которому хочешь помочь... И самое главное — не вспылить и не произнести огорчительных, выводящих из себя, оскорбляющих самолюбие слов... Высокопарные и высокомерные слова способны, как утверждают педагоги и психологи, уязвить, оскорбить, свергнуть в панику, потрясти, даже разочаровать.

Я, конечно, не в силах воспроизвести искусство Воеводина вести беседу, но должен засвидетельствовать, что из его кабинета люди выходили напряженные, но не сломленные, задумчивые, но не отчаявшиеся... Зачастую мы заранее узнавали, куда спешит тот или иной сотрудник... Будто вскользь, но фактически преднамеренно спрашивали: «Куда ты так спешишь?»... «На ковер!», - звучало в ответ. То есть к Воеводину — на «поединок»... Не стану и пытаться воспроизвести беседу, ибо наш «боец», вероятно представлял «поединок» не в полной мере. «Ну, что должен был сказать. Поговорил о пьянстве, о том, о сем, чтобы не обидеть, о семье говорил, пожалел детей, что их отец порой приходит домой пьяным... Да и о студентах не забыл, отметил, что одного лишь предоставления знаний мало — очень мало. Ведь главная задача, задача всей страны — до упора закрутить гайку воспитания... Пусть будет недостаток знаний, но недостатка воспитания быть не должно... Мы, преподаватели, прежде всего должны быть воспитателями... Пьющий

человек как может быть воспитателем?..» Мы, поначалу с улыбкой и смешками слушали рассказы о фрагментах беседы, потом, весь обратившись во внимание, хотели получить целостную картину беседы... Даже в момент пересказа встречи, когда были естественны возражения, попытки оправдания, рассказчики излучали почтение к каждому строгому слову, наказу Воеводина в их адрес. Ощущался какой-то страх лишиться уважения ректора.

«ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ НА ТВОЕМ МЕСТЕ...»

Еще не окончив пятый курс, мы уже были озабочены — куда направят выпускников? Я ни секунды не помышлял о работе в каком-либо другом городе страны, тем более о том, чтобы остаться в институте. Каникулы всегда проводил на родине, а вернуться домой и встать рядом с матерью, помогать ей было моей давней мечтой. О своей матери я рассказал в книге «Посвящение». Отец, уходя на фронт, сказал: «В селе меня есть кому заменить — пусть даже женщины, старики. А армии прежде всего нужны мужчины...» Он и в селе был незаменим, подлинный народный силач: десять человек не могли свалить его на землю. А дома... Ушел, оставив на попечение жены шестерых малышей — четырех мальчиков и двух девочек... Не трудно представить судьбу, выпавшую на долю молодой женщины. Работа в колхозе тоже была сражением: не возвращались с поля домой, надо было обеспечить детей хлебом, собирая каждое зерно... Мать работала как машина — неустанно и безропотно. С поля — домой, из дома — на поле. Думала, что именно так надо работать ради мужа, ради детей... Как я мог забыть все это. Днем и ночью мечтал вернуться домой, помогать матери, братьям и сестрам, быть полезным Армении. И вот, когда мысленно

представлял себе воплощение этих ожиданий, меня вызывают к ректору... Предполагаю: скоро должны расстаться, наверное, хочет лично попрощаться.

- Фима, - как обычно по-свойски обратился ко мне. — Решили оставить тебя в институте... Ну, как ты думаешь?..

Это было для меня полной неожиданностью:

- Юрий Михайлович, хочу вернуться в Армению, быть рядом с матерью и братьями...

- Тебя и твою биографию я хорошо знаю... А мать твоя мудрая женщина, наверное, и сама не захочет, чтобы после стольких лет учебы «приземлился» под крыло матери... В Армению тебя распределить некуда, это - раз. И второе — мать твоя, несомненно, мечтала, чтобы ты получил высшее образование и поступил на работу, соответствующую твоим способностям и знаниям...

- Но ведь...

- Я бы на твоём месте сначала позвонил матери, поговорил с братьями, родными. Если и после этого сомнения останутся... Тебе предлагают пилотировать самолет, а велосипедисты найдутся повсюду, даже в Хачике... Мать конечно, предпочтет, чтобы ее сын, условно говоря, парил в небе... Материнская гордость не признает границ... Даю тебе два дня времени... Хотел бы узнать ответ твоей матери...

Мама заплакала в трубку. От радости. Не могла говорить. И брат тоже онемел... Спустя мгновение, оба пришли в себя, брат почти закричал: «Но ведь мы именно об этом и мечтали... О нас не думай... Станешь преподавателем... Знаешь, что такое — быть преподавателем... Не хочу ничего больше слышать... Сейчас побегу по всему селу, чтобы разнеслась весть —

моего брата оставляют преподавателем... Пусть все обрадуются... Многие оканчивают институт, но мало кто становится преподавателем...» — и передал трубку матери. Она рыдала от радости, не произнося ни слова.

Спустя два дня, как и было поручено, явился к Воеводину... По лицу моему угадал, что наши согласились.

«Если бы я был на твоём месте...» Он завоевал право «быть на моём месте». И не только моём. Почти каждого выпускника он приглашал на личное собеседование и высказывал свои дружеские наставления — как ориентироваться в жизни, как поставить себя в общении с людьми, и в последний раз напоминал, какой мощной и всеобъемлющей силой является труд, тем более, когда сотрудничаешь с коллегами, становишься полноценным членом коллектива.

От взора Воеводина никто и ничто не ускользало, и он не ждал, когда к нему обратятся за помощью. Он всегда угадывал, кому и чем можно помочь, и не жалел ни времени, ни здоровья, ни настроения ...

После окончания будучи назначенным на преподавательскую работу, возникла необходимость снова учить выученное, повторить всю учебную программу, с тем, чтобы быть достойным того доверия, которое было оказано мне в самый ответственный момент жизни... Пережил необычные чувства. Мои вчерашние преподаватели в один день стали коллегами. Поначалу мое общение с ними было стеснено рамками студенческой психологии, но это продлилось недолго... Начали считаться со мной, порой даже обращаться за помощью, даже спрашивать совета.

Заведующий кафедрой Василий Петрович Котелевц однажды предложил вместе пойти в лабораторию

строительных машин. Это было большое здание, где помещались самые разнообразные строительные машины - бульдозеры, подъемные краны, грузовики, другое оборудование... Перед моим взором раскрылось воистину адское зрелище: ночью прошел дождь, и потоки воды протекли со всех уголков потолка, затопив всю технику, предназначенную для практических занятий. Одним словом, все было в воде.

- Возможно выпутаться из этой ситуации? - спросил завкафедрой, не глядя на меня и, наверно, думая, что отныне какое-либо серьезное вмешательство невозможно.

Вопрос был задан резко, и я столь же резко ответил:

- Возможно!.. А почему не должно быть возможным?.. Раз все это возможно было создать, почему же невозможно сохранить созданное...

Мне, конечно, не хотелось, чтобы слова мои прозвучали обидно. Но этот оттенок присутствовал, и дальнейший разговор приобрел деловой характер.

В тот же день позвонил товарищу, начальнику строймонтажного управления Виталию Лазаревичу, и пригласил в лабораторию. Всегда готовый прийти на помощь, обладающий глубокими профессиональными знаниями, он с особым почтением говорил о Воеводине, его способностях, трудовом энтузиазме, даре четко представлять будущее, решимости в достижении цели... Никогда не забуду наши семейные дружеские отношения. Возвратившись в Армению, я сохранил дружеские связи с Виталием, постоянно узнавал по телефону, как идут его дела, а он, могу с уверенностью сказать, в работе не имел соперников... Он также звонил мне, интересовался моими делами. Особенно теплыми были телефонные разговоры по пово-

ду Нового года, дней рождения, государственных праздников. Пишу эти строки, а мысленно уже представляю нашу новую встречу, которая состоится во время очередного юбилейного празднества института...

Хорошо помню его реакцию на мой деловой звонок. Со свойственной ему горячей готовностью он все пытался меня успокоить: мол, все будет сделано как надо.

- Не беспокойся, - сказал Виталий. — Наше учреждение создано специально для таких работ... Ремонт начнем завтра же... Хочешь, соберу ребят, технику и приеду... У вас будет совершенно новая лаборатория, сияющая «с ног до головы» техника...

Действительно, на следующий день монтажники прибыли и разобрали верхний слой крыши, от дождей разложившийся и потрескавшийся вдоль и поперек... Потом законопатили смолой и толем всю крышу, установили новые ворота, заново оштукатурили стены, покрасили, разровняли полы, забетонировали, тоже покрасили. Одним словом, получился настоящий театральный зал: чистый, аккуратный, опрятный... Все эти работы продлились месяц... В институте уже начались разговоры о том, что лаборатория изменилась неузнаваемо, от прежней грустной панорамы и следа не осталось...

Спустя несколько дней мне позвонили: Воеводин идет посмотреть лабораторию, мне надо быть там... Пришел с заместителями, осмотрелся, и обратился ко мне:

- Вот почему хотел, чтобы ты остался в институте...

БЫВАЕТ И ТАК

В начале 1961 года в Москве было создано всесоюзное совещание ректоров. В президиуме Никита Хрущев. Уже одного этого достаточно, чтобы представить значение мероприятия. Во время совещания было решено основать в технических учебных заведениях соответствующие профильные факультеты. Это должно было решить важную задачу дальнейшего повышения эффективности вузовской образовательной системы, диктуемую временем. Подобный факультет был создан и в нашем институте. Сергей Николаевич Иванов, имевший большой опыт вузовской работы, был назначен деканом нового факультета. Придавая этой задаче большое значение, впоследствии было создано совещание по изучению опыта новообразованных факультетов в технических вузах Украины, которое состоялось в городе Горловка Донецкой области. На совещании выступил Юрий Михайлович и обстоятельно представил достижения института в этом направлении. Кстати, в совещании участвовал и министр высшего образования Украины Ю.Доденков, который, лично изучив проделанную в институте работу, поручил распространить ее в качестве передового опыта. Институту был предоставлен дополнительный штат проректора, и на этот пост был назначен именно Сергей Иванов.

Впоследствии в Москве состоялось второе Всесоюз-

ное совещание. По предварительной договоренности, там был предусмотрен также доклад заместителя ректора Коммунарского института Иванова. Объяснять, какая это была ответственность, излишне. Скажу только, что это означало, что институт уже шагает в ногу с самыми передовыми родственными вузами страны и снискал всесоюзное признание. Участники совещания с нетерпением ожидали выступления проректора молодого, имеющего долгую историю украинского института.

После трех лет обучения на общих технических факультетах студенты продолжали учебу в узкоспециализированных вузах. Выпускники Коммунарска хорошо проявили себя по разным специальностям. Мало сказать, что интерес был большой. Однако произошел непонятный во всех смыслах и предосудительный инцидент. На очередном заседании, после одного выступления, слово предоставляется Иванову. Но, на удивление всем, он отсутствует из зала... Важная информация о передовом опыте не прозвучала, создав крайне неприятную ситуацию для украинской делегации и особенно для ректора.

Ответственные за совещание поручают Воеводину немедленно освободить от занимаемой должности своего заместителя. Вопрос не подлежал обсуждению: уволить, и все... Для Воеводина возникли серьезные сложности. Сергей Иванов был авторитетом в институте. Имел своих сторонников, которые были категорически против его увольнения. К Иванову присоединились другой заместитель ректора и декан горного факультета. Шила в мешке не утаишь: Воеводин обязан был дать оценку необъяснимому, недостойному поведению проректора. В институте начались нездо-

ровое брожение, пересуды, столкновения мнений. Одним словом, под угрозой оказалась нормальная работа вуза. В адрес руководства республики потекли анонимные письма, на Воеводина возводились неуместные обвинения.

Все мы были угнетены... Не понимали, что происходит... В эти дни я лежал больной в общежитии. Однажды ко мне в комнату зашел комендант и как-то напряженно сказал, что со мной хотят встретиться приехавшие из обкома товарищи.

Я не имел никакого отношения к обкому и никого не ждал. Меня пригласили в комнату отдыха. Они были вчетвером. Очень вежливо обратились ко мне:

- Как себя чувствуете?.. Беспокоиться незачем... Мы немного побеседуем, и уйдем...

- Пожалуйста,- отозвался я. Откуда мне было знать, что вопрос касается Воеводина.

- Я заведующий отделом науки и образования обкома, фамилия — Ярченко. Вы хорошо знаете Воеводина и Иванова, близки с их семьями. Для нас очень важно ваше личное мнение о них... Нам посоветовали побеседовать с вами по поводу конфликта.

Удивился, что меня втягивают в столь серьезные, где-то туманные вопросы. Объяснил, что очень хорошо знаю обоих, в том числе и их семьи, что оба пользуются серьезным авторитетом и об обоих у меня очень высокое мнение... Наверное, поняли, что невольно оказались в неприятной ситуации. Мои собеседники, видимо, и сами сознавали, что их миссия не очень-то достойна. Я давал общие ответы, тем более, что не очень-то был в курсе причины конфликта двух почтенных руководителей института. Да и был ли конфликт на самом деле? Как я мог и имел ли право

касаться их личных отношений в том плане, какой интересовал обкомовцев.

- Нам пишут, что Воеводин груб, не считается с сотрудниками...

- Я видел только лишь заботу обо всех без исключения, даже в тех случаях, когда естественна была бы резкость. Оба исключительно сдержанны даже в напряженных ситуациях...

Беседа продлилась минут 20-25. Я почувствовал, что не хотят копаться в каких-то вопросах, стать причиной углубления конфликта, что было вполне вероятно. Ярченко протянул руку, поблагодарил и, по-моему, товарищи вполне удовлетворенные удалились. Это был первый и единственный случай, причинивший беспокойство всем нам... Потом инцидент был сглажен, и не думаю, что кто-либо сегодня помнит ту давнюю историю.

«САМОЕ-САМОЕ...»

Много говорить вовсе не значит многое сказать, подобно тому, что, шагая по мелководью - еще не означает приобщиться к морской глубине.

- Ефрем Багратович, - однажды подчеркнуто официально обратился Юрий Мизайлович, - истину нужно защищать всегда, если она подвергается нападения. Я где-то читал: истина подобна горькому напитку, который имеет неприятный вкус, но зато восстанавливает здоровье. Однако порой человек может потерять здоровье, столкнувшись с тупостью, пустым самодовольством, ограниченностью того, кто в жизни не держал в руках книги. От таких нужно держаться подальше, просто прекратить диспут и отойти в сторонку. Не стоит даже обижаться, когда оскорбляют и хвастаются, что умному книжки читать ни к чему...

Я не уклоняюсь от того, чтобы представить свои впечатления и воспоминания о Юрии Михайловиче Воеводине так, как они сохранились в моем сердце и памяти - драгоценными крупинками здоровых человеческих взаимоотношений. Я не забыл своих переживаний пятидесятилетней давности, и по любому поводу рассказываю о крайне дорогих для меня ценностях в годы учебы и работы, к которым приобщился через Воеводина-человека. Я всегда придерживался мнения - и сегодня глубоко уверен в том своем впечатлении,



Ректор Ю.Воеводин вместе с шахтерами



Ю.Воеводин вместе с коллективом



Ю.Воеводин, проректор Г.И.Колядин, секретарь парткома Е.К.Оленик.



Ректор Ю.Воеводин выступает на открытии библиотеки института.

что он никогда не унывал и убежденно жил ради других, аккумулировал колоссальную силу именно для других, стремился жить интересами Родины и народа.

Я не встречал никого, кто плывал бы в океане знаний подобно Юрию Воеводину — свободно, уверенно, с пониманием и... и... не нахожу слово... И... славно. Это последнее слово мне и самому показалось странным, но именно его мне захотелось поставить рядом с его именем... От людей своего окружения он отличался таким запасом знаний, каким обладают немногие... Мне запомнились не только его осведомленность в мире знаний, но и то, как он использовал свои знания в практической жизни. Вспоминается такой случай: мы ехали в поезде. В вагонном купе, кроме нас с Воеводиным, были еще генерал и художник. Сразу сдружились, вместе выпили чаю, и завязалась беседа о самых разных вещах. Генералу было много чего рассказать: от будничных воинских учений до межгосударственной стратегии, фронтовых действий и личных подвигов... Я и сам не заметил, как генерал постепенно уступил роль рассказчика Воеводину, подметил лишь, как, слушая его, расширялись зрочки генерала... Он невольно превратился в... слушателя военных курсов, получая самые свежие новости о военной науке, о достижениях советского военного искусства, о наших международных отношениях.

К беседе присоединился наш художник, который, судя по высказываемым мыслям, должен был быть еще и теоретиком искусства. Разговор шел о разных направлениях искусства, которые в советское время вызвали глубокие противоречия, порождая разногласия, сомнения в отношении реализма и стимулируя симпатии к тем течениям, которые процветали на За-

паде и в америках, вытесняя социальное мышление творца.

- Тут вопрос ясен: отвлечь внимание народных масс от социальных проблем, промывание мозгов...

Воеводин, конечно, прекрасно понимал, что сидящий перед ним искусствовед — не несведущий студент, а мастер, на своей коже ощущающий воздействие государственной идеологической политики, закаленный в своих убеждениях, вероятно наделенный почетными званиями и регалиями.

- Вы не можете меня убедить... Искусство — не картофельное поле, чтобы по требованию партийного руководства удобрять и получать высокие урожаи...

- Давайте не спорить и не обвинять без нужды партийное руководство... Но мы действительно обязаны размышлять, почему предпочтение отдается тому или иному направлению искусства...

Искусствовед настаивал:

- Весь мир заполонен поклонниками авангарда, абстрактного искусства...

- Цель капиталистического мира — держать народ подальше от социальных проблем, сосредоточить внимание на несущественных вопросах, укрепить поле противоречивых интересов... Вот такой пример... Вы, искусствоведы, наверное, знакомы с выступлением Сталина на встрече с творческой интеллигенцией в 1946 году. Он, насколько помнится, сказал: когда-то Петр I прорубил окно в Европу. Но после 1917 года империалисты основательно заколотили его и долгое время, боясь распространения социализма на их страны, перед Великой Отечественной войной представляли нас миру посредством своих радио, кино, газет и журналов как каких-то северных варваров — убийц с

окровавленным ножом в зубах. Так они рисовали диктатуру пролетариата. Наших же людей изображали одетыми в лапти, в рубахах, подпоясанных веревкой и распивающих водку из самовара. И вдруг это отсталая “лапотная” Россия, эти пещерные люди — недочеловеки, как нас изображала мировая буржуазия, разгромила наголову две могущественные силы в мире — фашистскую Германию и империалистическую Японию, перед которыми в страхе трепетал весь мир. Сегодня мир хочет знать, что же это за люди, совершившие такой великий подвиг, спасшие человечество.

В отличие от меня, у Воеводина не было проблем с памятью. И добавил, что когда Сталину задают вопрос, насколько опасны в идеологическом плане авангардистские течения и абстракционизм, он отвечает приблизительно так: под видом новаторства буржуазия пытается музыке, изобразительному искусству привить формализм. Неужели людей можно воодушевить, скажем, обрезом ржавого металла, который скульпторами-«новаторами» преподносится как произведение искусства?..

Я заметил, что Воеводин испытывает потребность высказаться по этим непростым вопросам. Он говорил и как искусствовед, и как политолог, общественный деятель - говорил спокойно, не сгущая краски. Рассказывал художнику и генералу, что начальник Центрального разведывательного управления США, посредством лжи и фальши, тлетворного искусства еще в 1945 году представил далеко идущую программу «холодной войны», осуществление которой, в конечном счете, привело бы к развалу Советского Союза. Воеводин, насколько помню, привел некоторые подробности этой губительной программы, с которой я позднее ознакомился и в прессе.

Художник порой прерывал Воеводина:

- Теорию «искусство ради искусства» выдумал не я... Это означает, что и Вам не под силу устранить ее...

- Устранить, конечно, не могу, но мне не могут мешать осуждать... Ни одна сфера человеческой деятельности не может существовать без служения человеку... Ничего самоцельного не существует... Впрочем, нет, конечно, есть — та же теория «искусства ради искусства», которой отупляют людей, отторгают от социальных проблем, от естественного стремления защищать добро и бороться со злом. Кто должен научить человека защищать самого себя, преодолевать трудности и сознавать, наконец, что он обязан заботиться о себе и себе подобных, совместными усилиями решать жизненные проблемы, а также воодушевлять, пробуждать жизненные силы, наполнять оптимизмом тех, кто оказался на дне жизни — кто, если не деятели искусства?..

Поезд замедлил ход. Мы, я и Воеводин, взяли свои чемоданы и собирались попрощаться с генералом и художником, с которыми уже достаточно сдружились, и расставание было теплым. Мы обменялись телефонами, чтобы встретиться вновь. Но, насколько помню, звонка так и не последовало, и Воеводин впоследствии никогда не вспоминал тот разговор в пути. Но я запомнил.

Выясняется, что наш ректор к тому же и военный теоретик, и искусствовед.

- Ни то, ни другое, - улыбнулся Воеводин. — Я специалист в своем деле, но это не значит, что искусство или отдельные сферы науки мне чужды. Знание — это абсолютная ценность, и мы должны сделать все, чтобы наши студенты постоянно учились, познавали

мир, конечно, в дополнение к профессиональным знаниям...

Я неоднократно бывал дома у Воеводина, и убеждался вновь и вновь, что он не представлял своей жизни без книг. Время от времени здесь добавлялись книжные шкафы, стопки книг под стенами, на подоконниках... Согласно договоренности, работники книжного магазина звонили и сообщали ему, какие новые книги поступили в продажу... С той же последовательностью обогащалась и институтская библиотека: уделяя равное внимание и художественной, и специальной литературе, в институте организовывались встречи с писателями, обсуждения книг, литературные вечера и утренники... В вестибюле библиотеки на плакате было выведено горьковское «Любите книгу — источник знаний...» Сегодня, увы, любить книгу или считать ее источником знаний, вообще говорить о важности знаний перешло в разряд элементарнейших сумасбродств. На смену им пришли другие, «кроважидные» девизы: «Делай деньги сколько можешь и как можешь!», «Обогащайся — вот единственная цель!», «Иди вперед, сметая все на своем пути, убей того, кто стоит на твоём пути!». И самое ужасное: грабят, при этом пытаюсь убедить, что это делается во имя благосостояния народа.

По воле судьбы, мне много раз выпадало рассказывать о Юрии Михайловиче, перелистывать известные мне страницы его жизни. Это удача и огромная честь

для меня, счастье, что знал его и наслаждался его дружбой в свои молодые и зрелые годы. Рассказывать о нем — дело нелегкое, которое, однако, выполняю с любовью, хотя ответственность вынуждает меня также сомневаться: удастся ли мне осуществить это намерение. Ведь то, чему свидетелем довелось быть мне, несомненно, лишь незначительная часть целого, которому за далью лет придаю все большую ценность. Меня согревает осознание того, что за сравнительно короткий срок на наших глазах и при нашем участии родился мощный очаг образования в Коммунарске, распахнув крылья своей доброй славы по всей республике и удостоившись всесоюзной славы.

Естественно, я с признательностью вспоминаю людей, которые неотделимы от истории основания, становления и функционирования института, тех, кто вместе, плечом к плечу, преодолевали любые трудности.

Мы жили в коллективистском обществе, так до конца и не осознав, каким благом является коллективизм. На примере руководимого, вернее, созданного им коллектива Воеводин продемонстрировал, доказал, что здоровый коллектив, помимо всего прочего, предполагает также тесные, гармоничные отношения общества и личности, наличие которых создает благоприятные условия как для процветания, успеха общего дела, так и, соответственно, развития личности. А развитие личности — обязательное условие прогресса общества.

Не сказал бы, что все руководители советского периода руководствовались программными требованиями коллективизма. Но, — и это самое главное, — государство, партия считали, что коммунизм — это про-

дукт и высшая форма коллективизма, они в то же время придавали большое значение роли личности в процессах общественного развития.

Деятельность Воеводина-личности я сравниваю с территорией, границы которой трудно определить — находчивость, воображение, предприимчивость, способность сделать невозможное очевидным, невероятное — убедительным, заразить собеседника своей мечтой, глубокое знание человеческой психологии... Для него не существовало никаких «если», не принимал никаких оправданий провала, упорно искал пути достижения поставленной цели, подтверждения своей правоты. В синем небе своего воображения он заранее возвел комплекс института — со всеми подробностями, компонентами, основными и вспомогательными. И всегда — с острым чувством актуальности. Например, институт одним из первых получил вычислительную машину «Минск-32», которая своими габаритами занимала три аудитории и именно в трех аудиториях и была смонтирована. Студенты не отходили от этой машины. Последнее слово науки впервые они видели собственными глазами. Что может быть полезнее для учебного процесса, чем непосредственное общение с новейшей техникой. Без малейшего преувеличения могу утверждать, что благодаря подобным стимулам студенты искали в себе также черты будущего ученого, перспективу и готовились подобным образом служить родине и народу. А сколько усилий, упорства и терпения потребовалось от ректора, чтобы приобрести эти ЭВМ, какие пришлось приложить усилия — об этом знал он один и считал лишним говорить на эту тему, полагая сделанное выполнением рутинных служебных обязанностей, не дающих ни малейших оснований для

самодовольства. Он искренне удивлялся и возмущался, когда люди порой кичились своими личными успехами. Вот успехами института — с удовольствием. Но все мы, тем не менее, гордились своим «верховным главнокомандующим», давали себе отчет в том, что именно он является крестным отцом всех наших успехов.

Теперь от современной вычислительной техники перейду к другой нашей гордости — спортивной... Прекрасно помню открытие нашего замечательного бассейна. Он был построен исключительно силами и на средства института. Студенты ликовали... А кто должен эксплуатировать бассейн, обеспечивать подготовку спортсменов и вообще, физически закалять молодежь... Овацией встретили мы заявление Воеводина о том, что директором бассейна назначается офицер запаса, знаток своего дела и поборник военной дисциплины Василий Васильевич Фадеев. Ректор и тут не промахнулся...

Имя моего дяди, Амаяка Григоряна, гремело по стране: председатель колхоза села Арени удостоился звания Героя Социалистического Труда. Кроме него, еще 12 человек из того же колхоза тоже носили золотую звезду и орден Ленина. Исключительное явление, нашедшее достойное место на страницах Армянской Советской Энциклопедии. Снимались кинофильмы, издавались книги, печатались статьи, очерки, были основаны школы для распространения опыта аренийцев. Одним словом — было одно Арени и один Амо. Он любил свое дело, был предан родному селу, был

его частицей своим бытом, семьей и условиями жизни. Брал в руки лопату и лом, пользовался косой. Всегда был среди косарей и механизаторов, животноводов и дояров... Каждый вечер в своем небольшом кабинете проводил совещание ответственных за разные участки работы, и вместе решали дела завтрашние и грядущей недели... Я гордился им — гордостью всех ехегнадзорцев Амо...

Однажды декан вызвал меня:

- Ефрем, дело ректора тебе досталось...

- Не понял...

- Честно говоря, я и сам не понимаю... Зайди к нему после занятий.

Явился.

- Садись, есть серьезный разговор... Испугался?..

- У меня пока не было повода бояться вас.

- Ладно... Значит, беседа наша получится... Твои рассказы о дяде помню слово в слово... Да и в «Правде» читал...

- Пишут постоянно... Арени — село героев... Вся страна знает...

- Не хочешь, чтобы и Коммунарск знал?.. Я кое-что придумал...

Я уперся локтями в стол и потер руки. Что случилось?..

- Ну, не буду тебя мучать... Амо должен помочь нам... Решили изготовить мраморную доску почета отличников и по годам вычеканить на ней их имена... Доска из армянского мрамора... Насколько знаю, армянский мрамор один из лучших...

- Недурно придумано...

Ректор легонько постукивал карандашом по столу.

- Повсюду лучших поощряют... Мы не исключе-

ние... У меня возникла мысль обратиться к вашим... Имею ввиду дядю, как называете его в Армении, Амо, Амаяку Григоряну... Позвони, передай мою просьбу: может прислать мраморную плиту?.. Все платежи гарантирую...

Я знал, что дяде не откажут. Хоть с неба, со дна моря достанет, но вдруг... Может упереться, или, увлекшись делами, но забудет про мрамор... Но знал и другое — если все будет нормально, он бросит все дела, сам поедет на карьер... Начальство, камнерезов переворошит, своими руками порежет камень — мол, просьба племянника, невозможно отказать... Его ректор, известный в Украине золотой человек, узнав обо мне, обратился с просьбой — как не сделать?..

Одним словом, хотя и несколько обеспокоенный, но с надеждой позвонил дяде, как-то несмело передал просьбу ректора, которая была и моей просьбой. Дядя не любит долгих разговоров:

- Сынок, ты из Ехегнадзора добрался до Коммунарска (я и места-то его на карте не знаю), ректор тебя попросил, назвал имя твоего дяди. Недаром же зовут меня Амо... Все будет сделано, но с одним условием...

- Каким?

- С условием, что пустят тебя приехать домой на несколько дней, чтобы дядя твой, племянничек, смог обнять тебя...

Одним словом, выехал я в Армению, увозя с собой соответствующие чертежи, общий вид, цвет, размеры.

Заочное знакомство ректора с Амаяком Григоряном переросло в дружбу. При посредничестве дяди институт получил также ереванские ЭВМ, которые в то время считались лучшими. Некоторых армянских ученых Воеводин знал лично, был знаком с их широкой

известностью. Собирал материалы — книги, научные справочники, статьи, вестники научных обсуждений о научно-производственном центре «Наири». Армянские электронно-вычислительные машины нового поколения уже были в почете. Слава объединения ширилась. Армянские студенты Коммунарска не только гордились этим, но и стремились показать, что также являются достойными сынами создающего армянского народа.

Наш Коммунарский институт пополнялся, развивался, как неоднородная цельность. Главной задачей было объединить людей, собравшихся из разных концов страны — студентов, преподавателей-ученых, служащих, которые были носителями самых разных обычаев, предрассудков, национального облика — выковать в них единое стремление, подтолкнуть к тому, чтобы жили общими целями и задачами, и получить в итоге гармонию усилий.

Перейдя на преподавательскую работу, я понял, что придание нравственного содержания взаимоотношениям студентов и среды их обитания, как отмечается в педагогической литературе, только на первый взгляд может казаться делом легким и простым, в реальности же это крайне сложно. Здесь важно все, начиная с основополагающих, крупных вопросов, скажем, постоянного улучшения условий учебы, и кончая «мелочами» - будь то уход за цветами, украшающими садовые аллеи, или содержание в чистоте и порядке территории вокруг вузовских зданий...

Создав такую среду обитания и атмосферу, Воево-

дин вместе с коллегами-единомышленниками решал не только практические, осязаемо предметные задачи, не только готовил квалифицированных специалистов, но и формировал личности, живущие общественными интересами, руководствующиеся высокими идейно-нравственными критериями.

Коль скоро проблема преимущественно касается молодого вузовского поколения, должен признаться, что оно не так то легко расстается со сложностями юношеского возраста и нуждается в воспитании не менее, чем молодые люди более зрелого возраста, которые хотя уже и влюбляются в девушек, но пока не доросли до того, чтобы следовать хотя бы элементарным правилам поведения. Как любил Воеводин своих воспитанников — кстати, даже тех, кто по разным причинам бросали учебу, но потом, одумавшись, вновь появлялись в институте с просьбой восстановиться!..

Мне встретился друг по общежитию, который добровольно ушел из института, женился, но теперь, спустя время, решил продолжить учебу. Выбрав удобный момент, я попросил Юрия Михайловича пойти ему навстречу. Напомнил, что он хорошо учился, много читал...

- Много читал, но и быстро забывал прочитанное, - рассмеялся он, бросил на стол красный карандаш и поднялся с места. — Учиться никогда не поздно... Пусть зайдет...

Еще один неожиданный урок получил я по другому поводу. Бывают происшествия, по существу незначительные, которые, тем не менее, на долгое время оставляют глубокий морально-психологический след. Недостаточно быть добрым — надо быть еще и интеллигентным. То, что случилось однажды со мной деся-

тилетия назад, и сегодня сохраняет для меня глубокий смысл.

Вместе с Воеводиным делали покупки. Юрий Михайлович расплатился, получил сдачу — несколько копеек. Я тоже расплатился и отошел, не дожидаясь, пока вернут сдачу. Продавец окликнул, чтоб я получил его. Стало как-то неудобно. Вышли из магазина. Воеводин с присущей ему деликатной интонацией обратился ко мне:

- Фима, возьмешь несколько копеек сдачи, или оставишь продавцу — все равно, ни ты не пострадаешь, ни он не выиграет. Но ты невольно оскорбляешь человека, не взяв эти несколько копеек. Не помогаешь, но оскорбляешь. Ты разве не заметил, что он фактически сказал: «Мне не нужна твоя милостыня»... Благовоспитанные люди не позволяют себе оскорбить человека несколькими копейками...

А каким чувством юмора он обладал!

С семьями мы отправились в лес. Если есть армянин — значит, должен быть и шашлык. Все сконцентрировались на приготовлении шашлыка. Огонь сник, показалось, погас совсем, поднялась волна протеста. Я успокоил: незачем беспокоиться. Умылся, передал полотенце Юрию Михайловичу, который устремил взор на «осевший» огонь, и сказал ему:

- Ставьте, пожалуйста...

Начал нанизывать на шомполы аппетитные куски мяса, которых с нетерпением ждали все. Смотрю, Воеводин с замученным видом пытается «поставить» полотенце... С трудом, с улыбкой на лице, поднимает, приспособливает полотенце на руках, но оно, естественно, не «ставится» - складывается, падает... Поинтересовались, чем это он занят?

- Ну, поручили полотенце, хм-м, поставить. Я стараюсь, но не знаю, как это сделать... но надеюсь до конца дня... получится...

На секунду я прервал свое «восточное» занятие.

- Фима ведь поручил «поставить», и я хочу выполнить его просьбу...

Здесь то и раскрылся «секрет»: со своим знанием русского я допустил ошибку: полотенце ведь не ставят, а кладут куда-либо или вешают... Вот так, смеясь и шутя весь день пытались «поставить» полотенце...

СЕРДЕЧНАЯ БЕСЕДА

Рассказы о достойных людях всегда интересны: они содержат в себе определенные знания, что-то новое, и рассказчики не претендуют на то, чтобы своей речью, умом поразить слушателей. Я бы очень хотел, чтобы мои рассказы о Воеводине получились увлекательными: ведь речь идет об обожаемом мною человеке, личности, с которой по счастливому велению судьбы общался на протяжении более двух десятилетий. Досконально узнал его, и наши отношения превратились в искреннюю неподкупную дружбу. Общаясь с ним, я понимал, что своим поразительным талантом общения с людьми, своими мудрыми советами он как-то возвышает нас, и наши действия, стремления подвергаются воеводинскому воздействию. Не сказал бы, что он был безупречен, но для меня были более доступны и зримы его достоинства. В каждодневной работе Юрия Михайловича я видел крайнее напряжение сил, постоянное стремление вложить в дело свои способности без остатка.

Не помню уже, где я вычитал, что единственная истинная роскошь — это роскошь человеческих отношений. Эту роскошь я испытал неоднократно, и не сомневаюсь, что знавшие Воеводина люди также испытали это чувство общения с ним.

Не знаю, как наши с ним отношения — поначалу как студента с ректором, а затем преподавателя и рек-

тора переросли в дружбу, даже близость, родство душ. Тем более, что с ним вообще трудно было общаться на равных. Его авторитет, обширнейшие связи и общественное признание, особенно эрудиция и человеческое обаяние как-то стесняли человека, точнее, принуждали к собранности, настраивали на глубочайшую серьезность. Нужно было быстренько догадаться, насколько твой визит, присутствие, слово оправданы и необходимы, ужасно было сознавать, что ты можешь выглядеть поверхностным и утомительным, соответственно — и оказаться лишним. Но он деликатно помогал, умел любую встречу сделать обоюдно интересной, незаметно сводил тему разговора к сфере интересов явно смущенного собеседника. Если ты человек искусства — пожалуйста, он найдет множество тем для беседы, географ, эколог, океанолог — вы также найдете замечательного собеседника в его лице. Будь ты металлург, строитель или горняк — никогда не сомневайся, что обмениваясь мнениями с ним, будешь вполне удовлетворен.

Будучи руководителем вуза, он никогда не уклонялся от борьбы, благодаря которой новосозданный институт в Коммунарске должен был на равных шагать с ведущими очагами образования республики и страны. Добавлю также, что он был поразительно внимательным слушателем, умел промолчать и дать высказаться собеседнику, делая беседу более непринужденной и плодотворной.

Хотя еще во время службы в армии я избавился от деревенской стеснительности, но мне, тем не менее, трудно было приспособиться к некоторым формальностям цивилизации, нового быта, жить и действовать раскованно. В этом плане годы учебы стали для меня



Яхтклуб университета.



Бібліотека інстытута



6-й учебный корпус



Бюст Ю.Воеводина

своеобразным периодом испытаний. Мне казалось, зрелость моя запаздывает, что было столь необходимо для меня, «без вины виноватого», будучи физически на голову выше сверстников. Это было не желание выглядеть умнее всех, а всего лишь опасение не отстать вдруг от окружающих. Очень опасался ошибиться, делал все, чтобы не произвести нежелательного впечатления. Дружба с Воеводиным избавила меня от всяких предрассудков провинциала. Я был молод, многого не понимал, но верил в него, внимательно прислушивался к нему, задавал вопросы и мотал на ус ответы. Никогда не говорил, если сказать было нечего. Мой старший товарищ никогда не стремился поразить собеседника своими знаниями, эрудицией. Но каждый раз я расставался с ним, пораженный, можно сказать, сожалея, что не готов к содержательной беседе с ним, что имел неосторожность судить о вещах, о которых мало что знал. Впрочем, он никогда не делал замечания по этому поводу. И обострялось мое стремление почаще общаться с этим человеком, стремление, которое никогда не слабело, нарастало непрестанно...

Я ничуть не сомневался, что многие мои шаги ему известны. Посему, считая себя близким ему человеком, я нес ответственность за свои поступки, чтобы, упаси Боже, не разочаровать его, не причинить неприятности. Проще говоря, дрожал над тем доверием, которого удостоил меня этот человек, близкий и дорогой моему сердцу. Просто не имел права на ошибку, неизменно тяжело переживал каждый свой промах, сам себя корил не менее строго, чем это сделал бы мой старший друг. Хотелось бы, чтобы мне поверили: никто в институте не видел меня выпившим,

если не сказать, что я вообще отказался от потребления спиртного — разумеется, за редким исключением, когда оказывался под мощным давлением друзей.

Он часто повторял: люди тогда доводят свои отношения до подлинной близости, когда в эти отношения вовлекаются и семьи, даже родители, братья, родственники и т. д.

Какое это было счастье встретиться под чужим небом с таким человеком, как Воеводин, который в самый судьбоносный для меня момент с отеческой заботой заменил мне погибшего отца, окружив его сына и его семью отеческой лаской. Ведь очень трудно было бы расти без теплой отеческой строгости и контроля. Говорю это, умудренный 75-ю годами прожитой мною жизни, и не устану повторять, пока жив. Перед Воеводиным я всегда ответственно отчитывался о моей жизни, как отчитывался бы перед отцом. Так я мысленно словно возрождал отца, в образе Юрия Михайловича видел его в реальности, с той лишь разницей, что мой отец Баграт был лишь моим отцом, а сфера отеческого отношения Воеводина охватывала очень и очень многих... Он придал моей жизни главное — жить интересами общества, никогда не предпочитая им личное, семейное. И более понятной стала мне та простая истина, что без взаимной любви и уважения между тобой и другими не можешь быть по-настоящему счастлив. Воеводин говорил нам, молодым: счастливы те, кто счастлив на работе и дома — рядом с родителями, женой и детьми. По воле судьбы я долгие годы был вдали от родного дома, тоску по

матери утолял телефонными разговорами, и родное село посещал только во время летних каникул. Я нуждался в семейной теплоте, и не случайно свободное время часто проводил в доме Воеводиных, наслаждался теплотой его семьи. И сегодня, когда возникает необходимость помочь, посодействовать людям, я стараюсь вспомнить, как поступили бы в подобной ситуации Юрий Воеводин, его супруга, дочери.

Дети — моя слабость. И уйти от этой чрезмерной слабости затрудняюсь. Что поделаешь — и так бывает. Позднее мне суждено было понять, что не обязательно безоговорочно выполнять каждый детский каприз. Воеводин и здесь был примером, критерием: ни разу я не замечал, чтобы он потакал капризам девчушек, особенно в вопросе покупок. Всегда умел «плавно перейти» к отказу, и сестрички нежно повисали на шее отца и примирялись со «скупостью» родителя... Меня поражал его педагогический такт — от мягкого укора до любезной интонации... Воистину, дела труднее, чем воспитание, не существует.

Обе его дочери имели свои собственные библиотеки. Порой - по два экземпляра той же книги, чтобы при случае не мешать друг другу. А как он любил их невинные проказы, и сам порой потворствовал, чтобы дети наполняли дом смехом и прятной суматохой. Однажды я крайне удивился: Воеводин так увлекся их детской игрой, что забыл о моем присутствии. Заметив мое слишком серьезное лицо, сказал: «Фима, запомни известное изречение: нам никогда не удастся создать мудрецов, если уьем в ребенке склонность к проказам».

Любой важный вопрос Воеводин связывал с чувством патриотизма. Он был непримирим к тем, кто сквозь пальцы смотрел на священный долг перед Родиной, с симпатией и вместе с тем строгой ответственностью относился к тем, кто доказывал свой патриотизм не пустыми словами, а делом. Его патриотическим делом, как я неоднократно отмечал, был институт. Мы, преподаватели, студенты вуза, видели, как возрастает вес, авторитет родного института, как он становится все более видимым в стране. «Зачем уступать лучшим вузам Союза, если для нас созданы такие условия деятельности. Не обидно ли, если недостатки будут объясняться нашей плохой или неполноценной работой?»

В так называемые «воеводинские» годы своей жизни я не раз сталкивался с примерами патриотического воспитания молодых, привития им осознанной любви к Родине. Так, например, новобранцы, поступившие в институт, как непреложная традиция, всегда на автобусах отвозились в Краснодар и Ровенки, чтобы лично приобщиться к подвигу молодогвардейцев и фактам зверств гитлеровцев. Слова здесь были излишни... Какие еще слова, если ребята собственными глазами видели, как их сверстники ценой собственной жизни отстаивали свободу своей страны, тем самым передав грядущим поколениям священный Завет, подобно выпущенному по врагам Родины меткому выстрелу...

Отголоски воеводинского воспитания встречались повсюду, ощущались даже в мимолетных, незначительных явлениях, в самых будничных вопросах. Приведу один пример. Как и во многих вузах, факультеты

нашего института также имели своих контролеров-опекунов, так называемых кураторов, которые в основном занимались воспитанием студентов. Работа была интересная, даже увлекательная. Здесь к образовательным прибавлялись также задачи воспитания, и я, в числе других, уделял особое внимание этим своим обязанностям тоже. Следил не только за должным уровнем проведения лекций, семинаров, обеспечением объективной оценки преподавателями знаний студентов, но и за отношениями между молодыми людьми, порой возникающей неуместной напряженностью между ребятами, почему бы нет, также проявлениями некоторых молодежных порывов, в том числе и любовных. Какие только не возникали проблемы в студенческой среде.

Однажды заместитель декана стройфака, до сего дня ближайший мой друг Сергей Павлович Николаевский говорит мне: несколько студентов просят, чтобы я согласился стать куратором их группы. Объясняю ему, что одна группа на моем попечении уже есть, обременен занятиями, преподаю также взамен отсутствующего по причине болезни коллеги, так что нет никакой возможности пойти навстречу просьбе. Николаевский убедился, так и объяснил студентам. Спустя несколько дней эти студенты — Виктор, Татьяна и Ирина — староста группы, с той же просьбой обратились к ректору.

- Насколько мне известно, - сказал ректор, - я Воеводин, а не Татевосян. Так что обратитесь к Татевосяну...

- Юрий Михайлович, мы просим вашего ходатайства... Товарищ Татевосян уже имеет группу, загружен делами, не соглашается... Если вы походатайствуете...

Прямо в присутствии студентов ректор звонит мне:
- Ефрем Багратович, у меня находятся трое студентов... Попросят моего ходатайства, чтобы Вы стали куратором их группы...

- Юрий Михайлович, у меня уже есть группа...

- Это студенты знают... Мне говорят, я и передаю вам... Они сейчас подойдут... Прошу побеседовать с ними... Прошу не обижать...

Это было уже ходатайство на высшем уровне, и я согласился...

Потом «Ефрему Багратовичу» пришлось сожалеть, что работа с группой, по стечению обстоятельств, прервалась. Но связи между мной и студентами сохранились, причем настолько прочные, что когда был приглашен на работу в Армению — звонили, а в последнее время беседуем лицом к лицу по скайпу. А ведь казалось, забудут, время проходит. Но вдруг, о чудо! — твои студенты, с которыми распрощался около трех десятилетий назад, вспоминают тебя, интересуются, радуются, что жив-здоров, имеешь внуков, поздравляют с днем рождения... Воеводин, несомненно, обрадовался бы, услышав, что бывшие преподаватели и студенты его института, несмотря на непростые жизненные реалии, продолжают поддерживать дружеские отношения, хотя преподаватель уже немолод, а они — вполне зрелые люди... Одно из присланных ими писем настолько взволновало меня, что включил в книгу «Посвящение», рассказывающую о советском периоде моей жизни. И не потому, что щедро хвалили меня, высоко ценя мою личность и деятельность, а чтобы еще раз показать, как воспринимался один из многих, являющихся результатом-творением мудрого воспитателя незабвенного Юрия Воеводина.

...Вот уже в который раз вскрываю конверт и дрожащими пальцами расправляю сложенный вчетверо лист... Наизусть знаю каждую строку, но хочу прочесть вновь, потому что это — встреча с собственным прошлым, которое никогда для меня не уйдет в прошлое. Пусть простят меня авторы письма за мое незначительное вмешательство - что опускаю некоторые чрезмерные комплименты в мой адрес, а также ряд несущественных деталей. «Как быстро летит время, - читаю в письме. — Кажется, совсем недавно мы писали рефераты и выполняли лабораторные работы, сдавали зачеты и курсовые проекты, с волнением ждали сессии, во время которой каждый экзамен был по-своему трудным... В Коммунарском горно-металлургическом институте были преподаватели, которые учили нас, воспитывали и прививали все то хорошее, чем владели сами. Яркой, всесторонне одаренной и запоминающейся личностью был Ефрем Багратович Татевосян. Для нас, студентов, он в первую очередь был заботливым опекуном, и только потом — преподавателем по специальности «строительные машины». Своими знаниями он воспитывал в нас любовь к работе по избранной специальности. В душе этого человека был своеобразный барометр, который позволял определять состояние людей, их настроение, вовремя прийти на помощь тем, кто в этом нуждается. Благодаря страсти к каждодневной работе, унаследованной от родителей, Ефрем Багратович выработал в себе такие качества, как честность, обязательность, величайшая требовательность к себе и к подчиненным, упорство в достижении поставленной цели. Ефрем Багратович был сильной индивидуальностью, доброжелательным руководителем. Он ориентировался в любом

вопросе, решал любую проблему... Он был заботливым опекуном и верным другом, любил нас, как родной отец. Он помог становлению многих специалистов, за что мы преклоняемся перед ним.

После окончания института мы продолжали поддерживать связь, однако с развалом Советского Союза, будто по воле злого рока, наши отношения прервались. Усилия по восстановлению связей результатов не дали. Желание было огромное, но следы Татевосяна были потеряны. И вот в день 50-летия Донбасского государственного технического университета (так был переименован институт) судьба преподнесла нам столь долгожданную встречу. Все студенты с удовольствием вспоминали тот или иной забавный случай из студенческой жизни, которая в свое время связала нас друг с другом, которая никогда не повторится, и тем особенно дорога. Мы благодарны судьбе за то, что встретили на своем жизненном пути такого самоотверженного и доброжелательного человека — Ефрема Багратовича Татевосяна, человека, отдавшего нам частицу своего сердца и души, способствовавшего тому, чтобы каждый из нас сформировался как личность, дал нам возможность самовыражения в сложном, противоречивом мире».

В этом письме, на мой взгляд, отражен скорее не мой облик, а суть нашего института, дана фактически оценка самоотверженного труда его основателя, Юрия Михайловича Воеводина, продуктом которого стал и я вместе со своими студентами...

В 2013 году, когда мы — преподаватели и выпускники разных лет, снова будем вместе с благодарностью, почтением отмечать юбилей созданного Юрием Михайловичем Воеводиным института-уни-

верситета, нас вновь посетят бывшие, но не минувшие знаменательные мгновения, и мы дружно воскликнем: «Привет, дорогой, незабвенный учитель...»

В середине 60-х годов прошлого века в институте постепенно сформировалось то, к чему мы все стремились. Вуз, как было сказано выше, уже прославился на всю страну, и мы гордились тем, что преподаем в столь знаменитом очаге знаний. То же чувство испытывали и студенты, и обслуживающий персонал, более того, даже каждый житель Коммунарска, пожалуй, и всей Украины...

Говорил и не устану повторять: инициатором и вдохновителем всех достижений нашего института был Юрий Михайлович Воеводин (он действительно, как уже отметил выше, в полной мере, поразительно, а возможно, и закономерно оправдывал этимологию своей фамилии: «воевода» — командир, военачальник войска, области, а в нашем случае — института). Его усердие и усилия я видел воочию и благодарен Богу, что по Его воле и сам участвовал во многих благих делах. И еще сколько было таких, как я...

Расскажу немного и об основанных в те годы новых факультетах, оборудованных по последнему слову техники лабораториях, созданной мощной учебной базе. Упомяну к тому же, что большое число молодых преподавателей защитили диссертации, получили ученые степени кандидатов и докторов наук. С глубочайшим уважением вспоминаю, как наши ребята, параллельно с учебным процессом, занимались серьезными исследованиями, которые затем с большой эффектив-

ностью внедрялись в горно-металлургическую отрасль. Многие члены студенческого ученого совета своими первыми научными опытами уже снискали известность, публиковались в авторитетных журналах. Должен позволить себе констатировать, что таким образом институт завоевал также научные высоты... На республиканских и всесоюзных научно-образовательных совещаниях часто упоминались наши достижения, которые, кстати, отмечались орденами, грамотами, другими наградами. Самое главное, что также обязан постоянно упоминать — это сформированный Воеводиным трудолюбивый, дружный коллектив, объединенный общими задачами и целями, обладающий крупным научным потенциалом. Многие из его членов и после работы без малейшего принуждения оставались в вузе: мы не уходили домой, пока не выполним усложняющиеся день ото дня и крайне важные поручения. Наши успехи, в основном обусловленные энергичным поощрением Юрия Михайловича, не были бы столь очевидны и весомы, если бы текущие и перспективные программы развития института не разрабатывались при активном участии всех занимающихся наукой сотрудников, и, в частности, молодых, тех, мысли которых были устремлены в завтрашний день.

А Юрий Михайлович и не помышлял почивать на лаврах. Еще не завершив начатое, он уже мысленно видел новые перспективы деятельности, новые горизонты созидания. Стремления успокоиться, остановиться, передохнуть для него просто не существовало.

...Близилось десятилетие основания института. По этому поводу было созвано расширенное совещание. Юбилей — не обыденное мероприятие, на которое

можно собраться, говорить приятные слова, поздравить друг друга, поаплодировать — и расходится. Юбилей — это подведение итогов сделанного за минувшие годы, демонстрация достижений, завоеваний, отчет о выполнении ранее данных обещаний, отчет перед всем обществом. Все понимали это, и совещание носило сугубо деловой характер: участники уточняли свои поручения. В заключение ректор попросил проректора Игоря Михайловича Мизина и меня: «Вы пожалуйста задержитесь...» Беседа оказалась долгой. Речь шла о том, чтобы должным образом встретить, разместить и организованно проводить домой сотни гостей. Отмечу без ложной скромности, что нам удалось и сердечным гостеприимством подтвердить высокий рейтинг института.

...Все было сделано так, как и планировалось. Всеобщее воодушевление, праздник! В нем участвовали сотни передовиков производства, представители интеллигенции, делегации почти из всех крупных вузов Украины, научных центров, члены правительства, журналисты. На торжественном заседании была оглашена поздравительная телеграмма земляка — маршала Ворошилова, на которую участники ответили столь же сердечной телеграммой.

Не на каждой географической карте можно отыскать Коммунарск. Но на «карте» вузовских центров страны институт в Коммунарске занимает свое почетное место и получил постоянную прописку в реестре авторитетнейших вузов. И визитная карточка его носит имя Юрия Михайловича Воеводина...

Я был полностью поглощен докладом Юрия Михайловича. Достойное спокойствие, самообладание, речь — ясная и четкая, слова произносятся убедительно, внятно, с точной смысловой окраской и интонацией. С какой теплотой произнес он имя первого поборника основания института, депутата Верховного Совета республики, Героя Социалистического Труда, генерального директора металлургического комбината Петра Арсентьевича Гмыри... Какая связь может быть между промышленным предприятием и основанием учебного заведения?.. Самая прямая и непосредственная: будучи в парламенте, он обосновал необходимость создания в небольшом городке Коммунарске горно-металлургического института, подчеркнул задачу подготовки высококвалифицированных кадров для стимулирования развития угольной промышленности в Донбассе.

Следующая фамилия также удостоилась бурных аплодисментов — Иван Федорович Коваль... Проректор Днепропетровского горного института, назначенный ректором новосозданного института, увы, прожил недолго, однако успел наметить путь, который предстояло пройти институту — путь, который затем неуклонно продолжил заместитель декана Харьковского горного института, ученый Юрий Михайлович Воеводин. Ярko, образно описывал он свои первые предпринятые шаги. Люди поверили в его программы, которые с течением лет стали реальностью. Увы, многое осталось недоделанным, когда вуз понес невосполнимую утрату, неутешную кончину своего ректора. Но, к чести ушедшего из жизни руководителя вуза и его коллектива, большие планы, вопреки казавшимся непреодолимыми препятствиям, были успешно осу-

ществлены. Одна за другой, усилиями множества преданных единомышленников, были завоеваны новые и новые рубежи. На заседании прозвучали многие имена — с самыми теплыми словами признательности и меткими характеристиками.

Юрий Михайлович обычно говорил без бумажки, гладко, конструктивно, образно, поскольку то, о чем он говорил, не один день вынашивалось, копилось в его сердце: слова лились раскованно и западали в душу каждого. Торжественная речь превратилась в непринужденное общение между докладчиком и залом. Хорошо известные нам друзья по работе, с которыми общались каждый день, в устах ректора представляли как-то по-новому, теми сторонами, которых мы прежде не замечали. Мы оценили это и аплодировали каждому, выражая свое уважение и признание.

Эти слова я пишу в канун шестидесятилетия основания института (ныне - университета). Убежден, что в день юбилейных торжеств эти имена также прозвучат:

ЗЕЛЕНОВ Анатолий Борисович,
БУЦ Владимир Михайлович,
СОБОЛЕВА Ирина Михайловна,
ПЕЛТИХИН Серафим Васильевич,
ГЛУСКИН Лазарь Мартеевич,
ВИСОЧИН Борис Михайлович,
АБАРГАМОВИЧ Михаил Николаевич,
КОТЕЛЕВЕЦ Василий Прохорович,
ЦВЕТКОВ Валентин Петрович,
ЯКОВЛЕВА Галина Александровна,
ГЛЕЙЗЕЛ Галина Александровна,
ЛЕВЧЕНКО Вера Александровна,
СУХОРУКОВ Валентин Александрович,
ЛАПШИНА Зинаида Ивановна.

...После бурных событий праздничного дня, Воеводин, успокоившись, отдыхал в своем кабинете. Медленно поднялся с места, шагнул к окну, посмотрел на колышущиеся сине-зеленые кроны деревьев в примыкающем к центральному корпусу сквере... На длинных скамейках, приютившихся под тенью деревьев, расселись стайки студентов и студенток. Дух праздника царил там, прорываясь голосами и взрывами смеха...

Ректор был доволен. Особенно шикарно получился последовавший после торжественного заседания банкет в ресторане... Коммунарску выпал случай продемонстрировать и свои непревзойденные кулинарные произведения... Когда зазвучала музыка, столы моментально были сдвинуты в сторону — ресторан преобразился в танцплощадку. Время от времени я посматривал на Юрия Михайловича, наблюдал за ним. Он зорко осматривал зал, явно гордый своими сотрудниками и не скрывал этого. В его взгляде я прочитал: это их день, пусть наслаждаются в полную меру.

Компанией в несколько человек мы вернулись в институт. Своей секретарше, Зинаиде, ректор поручил позвать членов юбилейной комиссии.

Юрий Михайлович обошел стол, подошел к шкафу и торжественно открыл дверцу. Как-то по случаю я преподнес ему бутылочку коньяка «Арарат» - мать в последний момент сунула бутылку в чемодан, наказав передать от ее имени Юрию Михайловичу.

- Подарок твоей мамы сохранил, лучшего повода у нас не будет...

Из недр шкафа вытащил бокалы, достал бутылку. Члены комиссии собрались вокруг стола.

- Я где-то вычитал, - улыбнулся Воеводин, - что армяне свой коньяк считают нектаром...

И обернулся ко мне:

- За наш институт...

- И за Вас, - добавили члены комиссии. — За всех наших преподавателей, студентов, выпускников всех лет...

МОЯ ЛЮБОВЬ: СО МНОЙ И ВДАЛИ ОТ МЕНЯ

Мы питаем прекрасное чувство любви к другу, учителю, месту нашей работы, наставнику, к лучшим сынам нашего народа. Я умышленно умолчал о моем учебном заведении, потому что все, что писал до сих пор и еще должен высказать — мое признание в любви. Но... своеобразное, неповторимое...

Я уже немолод, но ни на секунду не прекращаю со страстью студенческих лет чтить мой очаг образования в Коммунарске, не исключая ни одного из тех, кто меня там окружал... Теперь у меня, пенсионера, много свободного времени, и мысленно часто уношусь в Коммунарск, к давним друзьям, коллегам. Тридцать пять лет назад я был приглашен в Армению на партийную работу, посвятил себя развитию родного Ехегнадзорского района, жизни и делу моих земляков, стремился сделать все, чтобы они, жили полноценной жизнью. Закладывали плодовые сады, создавали предприятия, очаги культуры и образования. Работа, как было принято тогда говорить, действительно стала мерилom чести и достоинства... Я был воодушевлен своей работой и обязанностями, гордился, что в деле процветания родного края есть и моя лепта. И должен признать, тысячный раз повторять: корни

главных успехов моей жизни проросли в далеком Коммунарске, там, в горно-металлургическом институте я сделал первые серьезные шаги в своей жизни. Там я понял смысл жизни, смысл жить и творить, красоту стремления к совершенству и цену самопознания, осознал, в какой мере готов вершить полезные дела для страны, для людей, вполне убедившись, что личную выгоду следует искать в пределах ее совпадения с общественными интересами.

ДОРОГА К ХРАМУ

Женитьба... Подобно многим, я тоже, конечно, не раз задумывался об этом. Настало, кажется, время, и я обязан создать семью. Коммунарский университет был подобен галерее красивых, очаровательных девушек. Но всегда помнил слова матери: «Непременно женись на армянке... Хорошие девушки есть у каждого народа, но они не привыкнут к нашим скалам, нашим обычаям. И потом — как же мне не разговаривать по-армянски со своей невесткой. Как нам понять друг друга, любить и уважать — подобно глухим и немым?»

Слово матери для меня было Божьим заветом... Да и отец с фотографии на стене не то лукаво улыбался, не то пристальным взглядом требовал трезво и серьезно решать главные жизненные вопросы, один из которых — женитьба... Я должен был действовать по приказам родителей.

Свою будущую супругу, мать моих будущих детей я мысленно украсил волшебными красками, сколь бы обычной она ни была... Я думал о волшебстве солнца родины, и девушку своей мечты представлял так: наше небо оmyвает ее косы струями теплого южного дождя... В родном селе мать отвлекла мой взгляд от чужого неба, чужого солнца и направила на соседскую девушку, которую всегда ласкала материнским взором.

В одни из летних каникул мать указала на эту девушку — Лиду. Ее выбор стал и моим выбором. Вместе с моей Лидой я возвратился в Коммунарск. Спустя какое-то время получили свою собственную квартиру...

Вся эта история может показаться сугубо личной, даже малоинтересной, но я рассказываю об этом, чтобы сделать одно важное признание. До этого Юрий Михайлович часто намекал мне о женитьбе.

- Фима, - улыбался мягко и тепло, - ты теперь в том возрасте, что непременно должен создать семью — жениться, иметь детей... Человек силен своей семьей, счастлив, прежде всего, в семье, любит Родину и родителей, имея семью.

У меня и мысли не возникало, что он станет крестным отцом моих детей. Надо понять, что значит для молодой семьи иметь родного наставника, тем более вдалеке от родного очага. Шел 1968 год. Родился мой первенец Вардан. Марта Степановна работала в больнице. Постоянно бывала рядом с роженицей, помогала преодолеть первые испытания материнства. И о рождении моего первенца еще раньше меня узнал Юрий Михайлович. Поздравил первым и сам же нарек его Варданом... И приказал: «Приходи к нам, отметим рождение Вардана». Откуда ему было известно это имя? О рождении второго моего сына, Самвела, он тоже узнал первым. Первым поздравил и тоже нарек — Самвелом... Уже потом мне суждено было узнать, что ему хорошо известны эти выдающиеся имена армянской истории...

Как говорится, вихрем примчался к нему домой. Стол был уже накрыт. Пришел наш общий друг Иван Шумаков. Именно в тот день я заметил в книжном

шкафу романы «Вардананк», «Мхитар Спарпет», «Самвел», «Раны Армении», «Царь Пап» и еще много других книг «армянского происхождения»...

Так мои первые представления об очаровании и необходимости семьи, наравне с первыми профессиональными, трудовыми, научными достижениями, вместе с нравственными, духовными уроками также связаны с Юрием Михайловичем Воеводиным. Школу жизни, помимо института, я завершил, также проходя курсы воспитания в семье Воеводиных.

Я уже немного рассказывал о теплоте его семейной жизни. Естественно, мечтал о том, чтобы иметь такую же семью, где жена играет роль доброго, заботливого ангела, где отца семейства почитают и любят безоговорочно, семью с освященными канонами, где дети растут, окруженные родительской лаской и вниманием, по законам гармоничного сочетания родительского контроля и детской свободы.

Короче говоря, очередной отпуск я завершил, создав семью, и в Коммунарск возвратился вместе с женой. Юрий Михайлович пригласил меня домой «всей семьей». Понял, что будем в гостях в ином статусе — я уже как совершенно другой человек, с новыми гражданскими и личными обязательствами и обязанностями. Супруга, Марта Степановна, вышла навстречу нам, и первые слова, сказанные у порога, были адресованы Лиде: «Дорогая, мы родные, а родным не к лицу скованность. Вы — третья, старшая из моих дочерей, ну, а Ефрем — мой сын... Мы его не только уважаем и любим, но и считаем нашим старшим сыном, который в нашей семье как родной»... Возможно, я передал только смысл сказанного ею (вопрос памяти), плюс улыбка Марты Степановны, теплый взгляд,

нежное прикосновение мягких рук к худеньким плечам девушки, приехавшей в Коммунарск из далекого армянского села. И Лида, чуть покраснев, начала улыбаться, стала вести себя как родная с первых же минут теплого знакомства. «Двери нашего дома всегда открыты перед вами», - что слова эти были не просто любезностью, впоследствии подтверждалось неоднократно.

Спустя некоторое время, когда супруга моя начала привыкать к Коммунарску, решили организовать семейную пирушку, разумеется, с участием Юрия Михайловича, Марты Степановны, постоянного участника наших семейных «сборищ» Валентина Петровича Цветкова, его супруги Нелли Федоровны, а также проректора Анатолия Борисовича Зеленова и секретаря парткома Леонида Андреевича Белашова, тоже с супругами.

Наши соотрапезники, должен заметить, были образцами совершенных семейных отношений, и мы с женой на всем протяжении нашей семейной жизни, которая, увы, рано прервалась, всегда видели в их лице достойное подражания взаимной любви. Лида была первым союзником и помощником осуществления моих дел, супружеским и материнским отношением воодушевляла меня, придавала мне силы и энергию в выполнении служебных обязанностей...

- Прекрасно провели время, - сказал, прощаясь, Юрий Михайлович. — С армянскими блюдами я знаком, и Лидочка подтвердила мои впечатления...

Как я уже отметил, более 35 лет назад был приглашен в Армению на партийную работу, был назначен заведующим отделом в Ехегнадзорском партрайкоме, затем избран секретарем. Моя жизнь обрела новое направление и содержание, наступил период новых дел, новых забот и испытаний. Но связи мои с альма-матер не прервались, наоборот, впоследствии у меня были поводы все более и более укреплять эти связи, подружиться с новыми сотрудниками.

Снова пережил приятные мгновения в дни празднования теперь уже 20-летнего юбилея нашего вуза, вновь услышал доклад Юрия Михайловича Воеводина. Его выступление совершенно не было похоже на то, что было годы назад — изменилась жизнь института, открылись новые факультеты, построены новые корпуса, еще более привлекательной стала окружающая территория: зелень повзрослевших деревьев, пышных газонов, скульптуры, беседки, архитектура малых форм. Доклад содержал совершенно новый букет слов и свежие суждения, программы и предложения, которые, увы, не успел полностью осуществить...

Любая мелочь, даже угощение, должна была соответствовать масштабу торжества. Помню, как в прошлый раз, за несколько дней до праздника пригласил меня к себе в кабинет. Там уже были партсекретарь Евгений Олейник, проректор Игорь Мизин и председатель профкома Ирина Колесникова. Решили организовать фуршет, что позволило бы гостям чувствовать себя свободнее, налаживать новые контакты, еще более сдружиться.

Фуршет прошел в вестибюле второго этажа главного корпуса. На столе поблескивали бутылки отборных

вин: грузинские «Киндзмараули», «Хванчкара», украинская водка «Старка», выпущенная, кстати, в честь юбилея. Конечно, были и армянские коньяки. Помню, когда прием завершился, новоназначенный директор металлургического комбината Воронов пригласил Юрия Михайловича и еще несколько человек в дом отдыха предприятия на берегу Исаковского водохранилища поиграть в бильярд. Воеводин вообще-то играл очень хорошо, но ввиду нехватки времени давно прекратил свою «дружбу» с бильярдным столом. Мои успехи тоже были приличные. И Воеводин предложил мне сыграть с Вороновым и отстоять честь института. В дружественном поединке победу одержал ваш покорный слуга, наградой за которую стала довольная улыбка Воеводина.

С того памятного дня прошли годы. Расставшись с коллегами, с которыми давно породнился, я никогда не отдалялся от них, и не упускал случая участвовать в организованных ими важнейших мероприятиях, различных юбилейных торжествах. Счастлив, что время не лишило меня возможности вновь и вновь встречаться с ними, восхищаться новыми достижениями института.

Заново переживаю приятные воспоминания о тех временах, когда Юрий Михайлович, на правах близкого человека, вызывал меня к себе и давал очередное поручение, которое зачастую выходило за рамки моих прямых обязанностей. Его поручения становились для меня вроде боевых заданий, которые непременно должны были быть выполнены. Мною руководило не только уважение к Воеводину, но стремление всегда видеть его победителем.

И в этом смысле я не был исключением.

ТЮМЕНСКИЙ ОПЫТ И ИСПЫТАНИЕ

Военная служба и студенческая жизнь — самые интересные фрагменты моей жизни. Прежде всего они интересны тем, что развивали мою самостоятельность. Ведь наступает момент, когда уже можешь двигаться, действовать по своему усмотрению, полагаясь на собственные силы. Особенно армия сыграла именно такую роль в моей жизни. Там мне, например, доверяли очень важное дело: я должен был в одиночку доставить секретную почту воинской части командованию другого подразделения, находящегося на расстоянии десятков километров. Хотя я и до этого был опытным водителем (с юных лет на колхозных грузовиках гонял по нашим горам), воинская часть направила меня на водительские курсы, и удивившись, что все нормально, доверила водить автомашину воинской почты. Я гордился этим, и воодушевляло то, что мне доверяют самостоятельно выполнять важные задания. Самостоятельность стала рычагом самоутверждения, зеркалом, в котором отражались все мои переживания и стремления. Это они, я думаю, подготовили меня к тому, чтобы с честью выполнить одно из самых ответственных поручений Воеводина.

В очередной раз Юрий Михайлович вызывает меня

в свой кабинет, долго молчит, вода по привычке дужками очков по губам. Ясно было, что собирается поручить мне важное дело, но и немного затрудняется раскрыть «секрет».

- Ефрем Багратович, я хочу поручить вам одну трудную задачу... Скоро из нашей республики должны отправиться строительные отряды по разным адресам Союза. Нам выпала Тюмень... Из нашего института выделяется большой отряд, парни и девушки... Характера предстоящей работы не знаю, но очень беспокоюсь, что бы все прошло гладко — отбытие, дорога, будни... Особенно - последнее... Сами знаете — молодежь, кровь кипит, непостоянство, порой непослушание, любят приключения... Такая командировка полна неожиданностей — опасности, происшествия, проблемы безопасности... Представьте, что будет, если с кем-либо случится что-то неладное... Что мы ответим родителям, собственной совести?.. Думаю, вы справитесь с этим делом, делом чести нашего учебного заведения, всех нас. Я часто буду Вам звонить... отдельные вопросы обсудим вместе... Вы не будете одиноки... На месте тоже есть ответственные люди, комсомольские, партийные, профсоюзные организации, опытные руководители. Просто нужно каждый день и час, каждое мгновение следить за жизнью студентов, и, если хотите, за их безопасностью.

Не трудно было осознать всю серьезность задания, которое подразумевало необходимость чувствовать и вести себя мужчиной, нести строго персональную ответственность.

- Ну, что скажешь?..

Вопрос и взгляд требовали решительного, успокаивающего, исчерпывающего ответа.

- Я готов... Если вы доверяете, я оправдаю ваше доверие...

- Так и знал... Уверен, что вернетесь, как солдаты-победители...

Всю ночь проворочался в постели, не сомкнув глаз. Мысленно тысячу раз уже добрался до Тюмени и пытался представить, что нас там ждет... На следующий день пошел в библиотеку, полистал страницы энциклопедии, посвященные Тюменской области. Отрывочные сведения. И отчасти, наверное, уже устаревшие...

Шел конец 1970-х годов. Прекрасные времена! Меня особенно влекла студенческая романтика. Для молодого человека нет трудностей, когда речь идет об открытии неведомого, об испытании собственных сил.

Не было времени утереть нос. Как говорится, с головой ушли в работу. Тысячи юношей и девушек работали, не скрою, в трудных условиях. Выдержать, выдержать и еще раз выдержать!.. Никогда цена дисциплины не была так высока в моей жизни, как там, когда, без преувеличения, под угрозой оказалась жизнь каждого из нас. Я не имею ввиду мальчишеские потасовки, ссоры, некоторые межнациональные трения, но даже на первый взгляд будничные, привычные проявления. Скажем, если бы, к примеру, руководители студенческих отрядов позволили себе хоть глоток водки, студенты, не отставая, наверное, пили бы ведрами, что было бы чревато самыми тяжелыми последствиями. Выпивка была исключена. Тысячекратно возрастала весомость личного примера руководителя...

Работать предстояло всего два месяца. Но как выдержать кажущееся вечным это тяжелейшее двухме-

сячное испытание. Одних лишь комаров достаточно, чтобы многие задумались сбежать. Основным же продуктом питания был... молочный порошок. (Потом удивляются, откуда нынешние старческие болячки).

Строили насосные станции. По 16-18 часов в день. Спасало лишь сознание того, что служим Родине — это придавало нам силы бороться с трудностями и преодолевать самих себя...

Припоминаю один случай. Огромный паром доставил 1000 тонн цемента. Разгрузать было некому. Это не входило в обязанности студентов, не касалось их. Но понимали: потери только от простоя парома будут колоссальные. Ответственные пребывали в растерянности. Безвыходное положение. Вот мы всем отрядом и явились к кому следовало и обещали быстро решить вопрос. За два дня паром был разгружен. Никаких простоев, никаких штрафных санкций. Ответственные намеревались представить наш отряд к материальному поощрению. Лично мне обещали даже легковую машину. Отказался. Чувство собственного достоинства, которое привил мне Юрий Михайлович Воеводин, не позволило принять такое поощрение.

Так мы были воспитаны. Не мог же я на «призовой» «Волге» заявиться в Коммунарск, поскольку мы с руководимым мной отрядом всего лишь выполнили свой гражданский долг...

И НЕМНОЖКО... УЛЫБКИ

С 1959 года, когда познакомился с Юрием Михайловичем, я повидал многих, но, как уже говорил, ни одного не могу поставить рядом с ним. Этот человеческий тип часто навещает меня. Его кончина была для меня столь же болезненна, как кончина моего отца, которого не видел, но которого обожаю, сделав свою душу негасимым светильником перед его святой памятью... Походка, взгляд Воеводина, его отношение к коллегам, прогулки, застолья, шутки, беседы о событиях в мире, рассказы о перспективах нашей работы являлись для меня прекрасными моментами человеческого общения. Ни разу не видел, чтобы в субботу или воскресенье пользовался служебной машиной: следил, чтобы водитель полноценно отдохнул. Ни разу не заметил, чтобы звонил в Харьков по личным делам по институтскому телефону. Заранее покупал на почте талончик для междугороднего разговора. Звонил из дома. Только из материалов 50-летия я узнал, что он добровольно ушел на фронт, воевал с 1942 по 1945 годы, и возвратился домой с орденами и медалями.

Вспоминаю даже самые обычные происшествия, оценивая их смысл задним числом. Вот одно из них: вызвал меня и сказал, что городской таксопарк предоставляет ему новую служебную машину. С директором таксопарка Иваном Шумаковым мы были друзь-

ями. Поручил поинтересоваться у него, когда получим. В тот же день я встретился с Иваном. Тот сразу же вызвал семерых водителей, которые перегнали машины из города Горький, сообщил им, что одна из машин предоставляется Юрию Михайловичу и предложил им самим определить, кто из водителей уступит свою очередь, пока поступит новая партия «волг» - через пару-тройку месяцев... Все семеро тут же заявили: как решит директор. Потом, когда я рассказал об этом ректору, он заметно заволновался... Ведь никого из них он не знал лично. «Фима, - сказал, - если не трудно, выбери белый цвет». Потом добавил: «Мой водитель опытный, я согласился, чтобы он пересел на новый институтский автобус... Теперь водителя у меня нет... Уступивший свою очередь водитель согласится ли работать со мной, пока получит новую машину?.. Буду рад, если вообще останется...»

И таксист Николай Оноприенко навсегда заменил Валентина Сухорукова...

Скажете — мелочь. Возможно, и не ошибетесь. Но ведь красноречивая мелочь... А сколько таких было!.. Расскажу и другой случай. С Юрием Михайловичем и его супругой ехали повидаться с детьми. Моросил мелкий дождь. За рулем был Юрий Михайлович. В машине царило молчание. У Юрия Михайловича были проблемы со зрением, а дождь затруднял видимость. Захотел сменить его. Не согласился:

- Дождь мне нравится... Похож на мелодию: небо играет, природа и люди слушают... Ничто меня так не успокаивает, как мелкий дождь, тишина, в которой слышится мелодия дождя.

На обочине дороги, близ поселка Чернухино, стоял человек с ребенком. Промокли до нитки, но укрыть-

ся было негде: наверное, ждали попутку. Юрий Михайлович, еще издали заметив их, остановил машину, приблизился вплотную к промокшим, опустил стекло: «Садитесь, куда направляетесь?», и открыл дверцу. Мужчина, разместившись с ребенком, захлопнул дверь: «Направляемся в Енакиево. Спасибо, долго пришлось бы мокнуть под дождем. Добрались пешком и попали под дождь...» Юрий Михайлович молчал, я тоже. А Марта Степановна платком сушила кудри девочки... Неожиданно незнакомец обратился ко мне: «Здравствуй, Олег». «Я не Олег...» «Как не Олег?.. Я хорошо запоминаю людей...» Я повернулся лицом к нему, чтобы тот лучше рассмотрел. «Я не Олег, вы перепутали...» «Как это? Не обманете!.. Вы не Олег, не фотограф?..» «Ну ладно, Олег, должен поверить, раз утверждаете...» Марта Степановна рассмеялась: «Может, и меня узнаете?..» «Конечно, узнаю. Вы преподаете на кафедре языков...» Юрий Михайлович тоже подключился к нашей игре: «И меня знаете?.. Может, знакомы?». «Вас ни разу не видел в институте...» И замолчал, обняв ребенка.

Я же продолжил: «А вы-то кто, можно полюбопытствовать?..» «Нет, сначала сами представьтесь... Вы Олег, но не признаетесь в этом...» «Я из Еревана, приехал в гости...» «А я заочно учусь в Коммунарском институте, всех знаю...» «И ректора?..» «Конечно, и ректора, очень хорошо знаю, даже на прием к нему ходил...» Мы едва сдерживались, чтобы не расхохотаться. Наконец, наш странный попутчик добрался до места. Поблагодарил и вышел из машины. Еще и пары шагов не удалился, как грянул хохот... Но эта веселая история тем не закончилась. Спустя некоторое время, у входа института, на торжествах по случаю на-

чала учебного года, замечаю того же молодого человека. Юрий Михайлович поздравлял студентов. Подхожу и на правах старого знакомого спрашиваю: «Узнаете выступающего?..» «Наш ректор, его весь мир знает... А Вы кто такой?» «Я фотограф Олег...» «Не-ет! Вы не Олег... Олег — вон, праздник снимает...» «Помните дождливый день?.. Долгую дорогу проделали вместе... В тот день я был Олегом. А сегодня не узнаете... Ректора тоже в тот день не узнали, а сегодня уверены, что весь мир его знает?..» Пораженный, растерянный, он взглянул мне в лицо и... ретировался. Вот такая история. Кто он был, почему так уверен был в своей памяти, так и не узнали...

А теперь еще несколько эпизодов. Но, пожалуй, уже без улыбки. Наш таинственный и бесследно исчезнувший попутчик был совершенно прав, утверждая, что ректора Воеводина знает весь мир. Мир — может быть, а республиканское руководство — точно. Любое пожелание, просьба Юрия Михайловича, тем более если речь шла об институте, выполнялось безоговорочно. Но встречались и непреодолимые трудности. И тут «срабатывала» находчивость ректора. Однажды вызывает меня по телефону и без предисловия говорит:

- Ефрем Багратович, знаешь, мы построили три девятиэтажных общежития, но не можем эксплуатировать... Безвыходное положение — неудобно и недостойно... Нет древесины, чтобы настелить полы...

- А чем я могу помочь, Юрий Михайлович?

- Скажу. Можешь! Я же вызвал не просто так. Езжай в Министерство горнорудной промышленности. Представь ситуацию первому заместителю министра Семену Саратикянцу... Вы, армяне, быстро находите общий язык. Может, поможет...

На следующий день выехал в Донецк.

- Рассказывай, с чем явился?.. - Саратикянц понимающе улыбнулся, выслушав мой рассказ, оперся локтями на огромный, заваленный бумагами и папками стол. Подумал, и придвинул к себе телефон: «Юрий Михайлович, зачем прислали этого молодого соотечественника?.. Понял, чуточку схитрили, знаете, что армянин армянину не откажет... Но это не имеет значения. Паркет получите».

Спустя несколько дней целый эшелон высококачественной древесины прибыл в Коммунарск. Работы по настилке полов были завершены. И снова телефонный звонок: явитесь к ректору!

- Звали, Юрий Михайлович?..

- Нуждаюсь в вашей помощи...

- Чем могу помочь?..

- Чем?.. Что это за вопрос?.. Должны были бы догадаться?.. Общежития полностью готовы, но без мебели... Надо съездить в Луганск... С заместителем начальника областного отдела торговли Григорием Хачатряном, знаю, дружите... Остальное сами догадывайтесь.

Григорий Хачикович был опытным организатором, прекрасным специалистом, пользовался большим авторитетом в области. Слава Коммунарского института дошла и до него. Все прекрасно понимали, что помочь Юрию Михайловичу — означало ускорить дела вуза, имеющего областное и республиканское подчинение и известного всей стране.

Я уверил Юрия Михайловича, что здесь также пойдут навстречу...

- Я, конечно, благодарен судьбе, что окружен хорошими людьми, - среагировал Воеводин. — Все мы, не-

зависимо от чинов, образования, занимаемых должностей являемся строителями, благоустраивающими страну... То, что приписывается меня, я считаю плодом совместных усилий окружающих меня людей... В одиночку ничего не сделаешь, а вместе, как в народе говорят, можно горы своротить, повернуть реки вспять... Мы должны выполнять наши скромные обязанности, чтобы стало возможным свершение больших дел... Ефрем Багратович, простите за мою эту пафосную речь... Порою я тоже отдаю дань увлеченности... Теперь посмотрите — то, что сделали за последнее время, далеко не конец... На просьбу мою о мебели средств нет...

- А откуда им взяться...

- Будут... В Советском Союзе проблемы денег не существует, были бы лишь думающие, беспокойные, заинтересованные, преданные своему делу люди...

...Григорий Хачатрян изыскал необходимую сумму. Но на этот раз уперся управляющий банком: отказывался оформить перевод, как оказалось, фактически в отместку ректору, в свое время исключившему из института его непутевого сына. В конце концов, вопрос перевода также был решен — несколько иным, но вполне законным путем, в обход управляющего банком...

Потом очередь дошла до еще одного армянина — управляющего дорожно-строительным трестом Вазгена Матевосяна. Давнишнего моего друга... Он уже слушал, что «вся республика помогает» молодому вузу. А что мог сделать он?... Мой дружеский визит означал, что очередь дошла и до него. Друзей ведь тоже просто так не навещают. Значит, понадобилась помощь, сложилась трудная ситуация...

- Приветствую, - войдя, я тонко улыбнулся Матевос-

сяну. — Двое армян в одной комнате — не перебор ли?

Он не остался в долгу:

- Армян никогда много не бывает. Бывают сильными — и отдельно, и вместе... - Вазген протянул мне руку. — Какое счастье. С неба яблоки не падают, но вот мой друг свалился...

- Поговорим о деле, братишка. Юрий Михайлович соскучился по тебе, но еще важнее проблема, которую он должен обсудить с тобой ... Поехали!

Встреча с Юрием Михайловичем продлилась недолго. Вместе обошли всю территорию студенческого городка, прикинули, что к мечу, и...

- Договорились, - Воеводин довольный взглянул на Вазгена. — Спасибо!

- Это я благодарен вам, что и мне дали возможность внести свой вклад в ваше большое, очень большое дело...

Вот так — по-деловому, доброжелательно стало возможным решить и другие серьезные проблемы: заасфальтировать дворы центрального и вспомогательных корпусов, озеленить, засадить деревьями территорию. Задышали общежития. Университет шел к своему очередному юбилею...

НЕСКОНЧАЕМЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ЗАБОТЫ...

Я уже говорил, что для очень многих, в том числе и для меня, Юрий Михайлович, помимо всего прочего, был учителем, школой! Судьба улыбнулась мне, и я стал тем, чем являюсь, и прежде всего - как человек. Я уже давно не молод, но испытываю такое чувство, будто он, хотя и ушел из жизни, но продолжает внимательно следить за каждым моим шагом. Постоянно ощущаю в себе потребность поговорить с ним, рассказать тот или иной случай из своей жизни — пусть даже незначительный, но содержащий глубокий смысл. Поражаюсь, с какой проницательностью он выделял и придавал важность деталям, подробностям. С первого взгляда они могли показаться несущественной и будничной мелочью, но ведь главное было уловить смысл, скрытое значение факта, эпизода.

Вот и один, казалось бы, обычный случай даже сегодня заставляет меня грустно задуматься, размышлять. Однажды прихожу в лабораторию для проведения практического занятия. Заведующий лабораторией Василий Емец раздраженно сообщает, что телефон лаборатории, без согласования с ним, запараллелили с технопарком. «Кто соединил, как посмели?..» «Проректор по хозяйственной части Мизин». Тут же пот-

ребовал, чтобы принесли лестницу. Сам поднялся и своими руками перерезал провода, ведущие к парку.

Занимаюсь в своем кабинете делами — звонит Мизин. Погорячились. Спустя два-три часа — звонок, Юрий Михайлович: «Фима, Марта Степановна срочно выехала в Харьков за детьми. Жду гостя, будем вместе обедать дома. В холодильнике все имеется. Возьми ключ, накрой стол, мы скоро приедем»...

Через полчаса в дверь постучали. Открываю — и вижу: он сам и... Мизин. Я остолбенел. Ждал кого-то незнакомого, а пришел человек, с которым мы повздорили. Будто ничего не произошло. Спокойно обедаем. Как назло, Юрий Михайлович не пил, но... «Сегодня можно, - сказал он. - Наливайте бокалы». Налили. «Может, еще стаканчик? - и приблизил бутылку к опустевшим бокалам — моему и Мизина. — Послушайте, что я вам скажу: чем больше вы будете ссориться, тем больше пострадает мой семейный бюджет... У вас один выход — больше не конфликтовать... Не вы же одни в институте... Студенты — с другой стороны... Представьте, что произойдет, если ваша конфронтация углубится. Значит так: мою квартиру вы покидаете друзьями. Больше мне нечего сказать...»

В отличие от меня, Мизин был немолод, и не могу сказать, что этот пожилой человек испытывал в тот момент. Но мне стало ясно, что по поводу каждого производственного спора нельзя ссориться с коллегами, друзьями. Сохранить добрые отношения необходимо не только с точки зрения просто нормальных человеческих отношений, но и в интересах дела.

На следующий день позвонил Мизину. Трудно было, но позвонил. Преподавший накануне «урок воспитания» требовал, чтобы я скинул камень с души и сде-

лал шаг к примирению... Заранее договорился с начальником городского узла связи о выделении технопарку отдельного телефонного номера. Позвонил Мизину и, будто между нами ничего не произошло, по-свойски сообщил: «Подготовь документы — заявление, ходатайство, - на получение отдельной телефонной линии». Вопрос телефона был решен. И не только телефона...

Неожиданно позвонила секретарша Юрия Михайловича:

- Ефрем Багратович, срочно зайдите к ректору.

- Что случилось?..

- Не имею представления... Весь ректорат собрался... Ситуация, вроде, какая-то напряженная...

Что могло произойти, почему собрались люди из самых разных служб? Стоят в разных углах кабинета — молчат, держатся напряженно.

- Садитесь...

Я впервые видел Воеводина таким возмущенным. Опустился на ближайший стул. Посмотрел на меня и резко спросил:

- Когда последний раз ходили в плавательный бассейн?..

Последний раз вместе с его семьей были в бассейне накануне. Хорошо отдохнули и расстались. Почему спрашивает, что случилось?..

- Последний раз?.. Не помню...

Голос Воеводина прозвучал с вызовом:

- Были?..

- Конечно...

- Что видели?..
- Фадеева, директора бассейна...
- Внутри или снаружи?..
- И там, и там...
- А жуткий мусор строительных конструкций не видели?..
- Видел...
- До вечера чтобы территория была очищена... Берите мою машину...
- Я не ваш заместитель, - и подчеркнул, - по хозяйственной части...
- Я тоже не мой «заместитель», Ефрем Багратыч, - произнес с нажимом, выделяя каждое слово, - по хозяйственной части. Ефрем Багратыч... значит, до вечера...

Непонятный резкий тон ректора, да еще в присутствии всех, показался мне странным: громко и строго приказывать мне что-то, выходящее за рамки моих служебных обязанностей, и, более того, результат должен быть через несколько часов. Как бы то ни было, я быстро вышел из кабинета и направился к служебной машине ректора... Поручение необходимо выполнить... Как и прежде, на этот раз тоже подспудно чувствовал, что доверяют тем, на кого действительно опираются. Воеводин очень хочет, чтобы окрестности бассейна были очищены. Такой вид объекта не подходит институту. Звоню заведующему лабораторией строймашин Емецу. От имени ректора потребовал собрать всех сотрудников и ждать меня... Затем на машине ректора помчался городской парк автомеханизации. Явился к начальнику:

- Что случилось, Ефрем Багратович, чем так взволнованы?..

- Взволнован не то слово... У меня серьезная просьба... Вокруг институтского бассейна просто позорное положение — строительный мусор, панели, куски железобетонных конструкций... - И объяснил, что нужно делать.

- Я твой друг, и не позволю, чтоб тебе было не по себе... Все вопросы решим.

Чеботарев был человеком, выполняющим дела безупречно. Он немедленно предоставил технику, автопогрузчик, ребят, способных своротить горы.

Тяжелый, но и приятный выдался день. В несколько часов работу завершили. Окрестности бассейна избавились от мусора. Возвратился в свой кабинет и занялся делами. Спустя несколько часов Воеводина информируют, что окрестности бассейна стали просто неузнаваемы...

Расскажу и концовку этой истории. Хотя путанные мысли и перебивали друг друга, горький осадок не проходил. Хотелось позвонить Воеводину и спросить, почему вдруг, при всех поставил меня в неудобное положение? Но позвонить не мог: это было бы похоже на требование отчета от человека, каждый миг общения с которым был столь дорог для меня. Но и не хотелось идти домой и нести с собой горечь, от которой хотелось избавиться. Несомненно, что и сам Воеводин переживал за происшедшее... Хотя он то знал, что все затеянное им было не более чем маленький спектакль, призванный показать, что при истинном желании и умении любые трудности преодолимы. И вот, в доказательство этого приглашает весь ректорат и при нем поручает мне запущенное долгое время дело, которое не имеет никакого отношения ко мне. Зазвенел телефон:

- Ефрем Багратыч, чем занят?..
- Собираюсь идти домой...
- Это хорошо... Я уже дома... Хочу поужинать с тобой.

- Спасибо... Я не голоден...

Отношения наши были такими, что можно было откликнуться и так...

- Тебе - 15 минут времени...

Спустя несколько минут — новый звонок:

- Послушай, у тебя совесть есть? Если не придешь, Марта Степановна мне не даст 100 граммов, а я, вопреки своей привычке, сегодня как назло хочу выпить...

Что оставалось делать?.. Поехал.

- Каждый Божий день повторял Мизину: надо прибрать территорию бассейна. Всегда находил причину — «того нет, другого нет». До твоего прихода заявил, что сейчас позову человека и поручу в несколько часов очистить вокруг бассейна. Увидите и убедитесь, что проваливая поручения, не нужно искать оправдания. Спасибо, никаких оправданий ты не искал.

И обратился к супруге:

- Туся, Туся, ну, давай, неси все, что есть!..

Сколько же малодушных людей бродят вокруг нас, мутя чистую воду человеческих отношений. Зависть опутывает людей. Завистливый человек способен предать даже своего благодетеля — только потому, что тот был ему полезен, но он, в ответ, ничего хорошего не может сделать. Есть крылатое выражение — под флагом зависти шагают ненависть, предательство и клеветы.

та. Подобные люди, страдающие черным беспокойством души, не способны свыкнуться с мыслью о том, что возвышенными человеческими качествами обладают другие, а не они. Их мучают успехи других, и они ищут повода любой ценой воспрепятствовать победной поступи удачливых.

В моем сердце сохранились и грустные воспоминания о зависти.

Первый секретарь ЦК Компартии Украины Виктор Васильевич Щербицкий ехал в Луганск ознакомиться с положением дел. Должен был заехать и в Коммунарск. Мне стало известно, что секретарю жаловались на Воеводина, передали письмо. Решил сообщить Воевдину о неприятном сюрпризе. Позвонил ему и сообщил, что такой-то передал конверт с жалобой на него секретарю ЦК. «Фима, я ему ничего хорошего не сделал... Значит, кто-то другой. Уточни имя...»

Уточнил. Речь действительно шла о другом человеке. «Вот это возможно... От него мог ожидать... Ведь решил же вопрос его трудоустройства, дети окончили институт и с моей помощью поступили на работу. Жена - тоже. С моей помощью. Мне столько всего удалось, а он своей семье ничем не помогает... И вот пробудился бес зависти, злости... Как же человеку не ужаснуться от самого себя... Если меня накажут — получит удовольствие. Он, как жвачка, прилипает, приспосабливаясь к зубам людей, но вот надумал показать клыки... Нам беспокоиться незачем... Через два часа встречаем секретаря ЦК...»

Секретаря встречали у парадного входа института. Подробности — в эпилоге...

Прекрасный был день. Мы поздравляли друг друга. Я, секретарь парторганизации Евгений Олейник и

проректор по научной части Аркадий Линович пожали друг другу руки и поднялись в кабинет Юрия Михайловича поделиться нашим общим успехом...

Я уже и забыл о злополучном конверте. Он -тоже.



С 50-м юбилеем Ю.Воеводина поздравляет доцент Козин.



Ю.Воеводин принимает экзамен у студентов.



Ю.Воеводин знакомит секретаря Луганского обкома с повседневной жизнью института.



Ю.Воеводин вручает дипломы студентам.



В 2007-м году, в связи с 50-м юбилеем института, Ефрем Багратович встретился со студентами, которые обращались к ректору с просьбой о назначении его их куратором — Виктор, Ирина, Татьяна.



Екатерина и Мария Воеводины у памятника отца.



Мизин Игорь Михайлович



Воронин Василий Петрович



Лаборатория строительных машин.

ПОКЛОНЕНИЕ АРМЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Я уже жил и работал на родине, когда поступила телеграмма: мой друг и товарищ тяжело болен. Немедленно вылетел в Коммунарск. Квартира оставило гнетущее впечатление. Марта Степановна была как-то сломлена, неулыбчивая, бледная, походка неуверенная. В дверях обнялись, без слов поняли друг друга. В спальню вошел с неописуемыми переживаниями. Но я старался не подавать виду, казаться веселым, чтобы не вызвать вопросов — что означает мой неожиданный визит? Хотя это, да еще от Юрия Михайловича, скрыть было невозможно. Говорили как старые и близкие друзья, обмениваясь улыбками, добрыми взглядами. Чувствовал, что это последняя наша встреча. Мысленно перенеслись в Джермук, где он отдыхал с женой, восхищаясь красотами нашей природы. «Да! Хорошенько погуляли!.. Ваши минеральные воды прямо из рая текут ...» Лицо его просветлело: «Спасибо, Фима, что ты рядом... Как поживают Вардан и Самвел... А в Хачик мы так и не поехали...»

Я едва сдерживал слезы. Он заметил, что глаза мои увлажняются... «Жизнь не вечна, Фима, и человек рано или поздно должен прощаться с нею... Спасибо, что ты всегда понимал меня... Я и себе самому благодарен, что не обижал людей. И со спокойной совестью прощусь с этим миром... Спасибо, Фима. Тво-

им отцу Баграту и матери Телизар тоже благодарен... Они собой украсили родную землю...» Мне хотелось утешить этого сильного человека словами давнишнего друга и сподвижника: «Не надо отчаиваться, вы крепкий человек, вы справились со многими трудностями, вам не к лицу терять надежду... Вы мне дороги и родны, как мой отец Баграт... Марта Степановна всегда относилась ко мне по-матерински. Она для меня как моя мать Телизар. Счастлив, что на заре своей жизни встретился с вами и всегда хранил то светлое, которое вы подарили мне и которое я увез с собой в Армению... Вы, Ваша любимая Туся были для меня родителями...» Всего этого я не сказал ему, просто склонился к его лицу и поцеловал... Он достал руку из-под одеяла и крепко сжал мои дрожащие пальцы... В последний раз... «Ефрем Багратач, - тихо промолвил он. — Посмотри, там справа ... В центре шкафа однотомник Шевченко... Там стихотворение «Завещание» - о вечности его народа... И сам он — частица этой вечности...»

Я достал томик в кожаном переплете... В глазах его заметил то выражение, что называют вдохновением. «Ефрем, найди это стихотворение и прочитай для меня вслух»...

Первый раз о болезни Юрия Воеводина я узнал весной 1980 года. Сказали, что хочет лечь в Луганскую больницу на обследование. Каждый день звонил в больницу и интересовался состоянием его здоровья. Однажды трубку взяла Марта Степановна: «Юрия Михайловича прооперировали, все прошло хорошо».

Сказал, что хотел бы приехать, побыть несколько дней рядом с Юрием Михайловичем.

«Нет, не надо. Юра просил приехать через месяц»...

Уже потом я узнал, что его голову побрили наголо, и потому не хочет, чтобы его видели таким... Спустя некоторое время мне сообщили, что решено перевезти Юрия Михайловича в Москву...

И там, спустя месяц, его сердце перестало биться...

На похоронах я был рядом со скорбящими родными моего дорогого друга — Мартой Степановной и дочерьми. Вместе с ними соболезнования принимал и я... Воеводин просил предать его земле в Харькове, рядом с отцом. Предстояло одолеть путь в почти 300 километров.

Моросил мелкий дождь... Любимый дождь Юрия Михайловича...

Я уже рассказывал, что меня пригласили в Армению на партийную работу. Юрий Михайлович, конечно, должен был об этом знать. У меня не было от него секретов — ни служебных, ни личных.

Три года подряд приглашали из Армении, и я наконец уступил. Желание работать на Родине не покидало меня никогда. Летние каникулы всегда проводил в Ехегнадзоре. Интересовался жизнью района и республики, в случае необходимости организовывал помощь благодаря личным контактам с некоторыми руководителями Украины. Ведь я был преподавателем не только Коммунарского горно-металлургического института, но и человеком, который по возможности делал все, чтобы издали быть полезным нашей республике.

- Сам должен сориентироваться: вопрос не простой... В твоём возрасте уже надо принимать решения только самостоятельно, - и уставился глазами в одну

точку - расставание будет нелегким. Когда принимал решение — Юрия Михайловича не было в Коммунарске - отдыхал в Кисловодске. Сообщил ему по телефону, что не могу уехать не попрощавшись. Изменился в голосе: «Я так и знал... Не думай, все будет хорошо».

Я очень трудно переносил разлуку. Под предлогом спросить совета часто звонил, интересовался делами его и института. Спрашивал о семье, о моих друзьях. Он тоже названивал, интересовался семьей, районом и ситуацией в республике.

В 1979 году во время совещания в райкоме секретарша сказала, что звонят из Коммунарска... Бегом направился к телефону. Звонил Юрий Михайлович. Сказал, хочет вместе с Мартой Степановной провести отпуск в Джермуке.

Приехали поездом. Встретил в Ереване, и вместе отправились к нам, в Езхегнадзор. Лида сделала все, чтобы гости остались довольны. Не успели сесть за стол, как из райкома сообщили, что из Еревана прибыли писатели, спрашивают меня. Это были прозаик, Герой Социалистического Труда Серо Ханзадян и литературовед Вазген Мнацаканян. Пригласил их домой. Прекрасная была атмосфера. Юрий Михайлович говорил о романе Ханзадяна «Мхитар Спарапет», упоминая такие подробности, которые поразили литературоведа, а сам автор признался даже, что собеседник лучше него самого помнит детали содержания романа...

Ежегодно мы в районе по традиции организовывали «Праздник песни и урожая», на котором присутствовали руководители республики и соседних районов, принимали участие передовики, известные организаторы производства, представители интеллигенции. В завершение праздника обычно накрывался щедрый стол,

звучали здравицы и напутствия. В тот год в празднике принял участие и Юрий Михайлович. Он попросил слово для тоста. Надо было видеть, как замолкли присутствующие, слушая его прекрасную речь, обращение к старым и новым явлениям армянской истории и культуры. Кстати, предлагая тост, один из сотрапезников обратился к присутствующему министру со словом «министр». В своей речи Воеводин между прочим заметил, что армяне в прежние времена министров называли «нахарарами». Грянули аплодисменты — откуда такая осведомленность?.. Мой гость уловил подтекст аплодисментов: «Я благодарен Ефрему Татевосяну, который всегда дарил мне армянские книги — по моей просьбе и собственной инициативе»...

На следующий день он попросил поехать в Ереван, посетить Матенадаран, Дом-музей Мартироса Сарьяна, пройти по книжным магазинам...

Утром быстренько позавтракали, и автомашина помчалась в столицу... Мои гости не могли отвести взгляд от вздымающихся к небесам утесов, которые, казалось, вот-вот свалятся и раздавят нас... Поражались, как армянам удалось пробить эти скалы, проложить широкую шоссеиную дорогу.

- Даже просто жить здесь — уже геройство, а вы на камнях и скалах заложили сады, создали райские хозяйства, - восхищалась Марта Степановна. — Неправда, Юра?..

По дороге в нескольких местах делали короткие остановки, наслаждались фруктами и белоснежным свежеспеченным лавашем, которыми нас угощали знакомые ехегнадзорцы...

Машина поднялась по серпантину, ведущему к Матенадарану...

- «Чарэнтир» увидим? — спросил Юрий Михайлович.

- Конечно...

Огромный роскошный рукописный фолиант, украшенный неувядаемыми красочными миниатюрами, изготовленный из шкур сотен бычков, подобно орлу распахнул свои крылья.

Затем последовали другие чудеса...

Экскурсовод порой затруднялся удовлетворить любопытство Юрия Михайловича, и видя, что круг его интересов чрезвычайно широк, старался найти исчерпывающие ответы.

Потом подошли к большому арочному окну выставочного зала, откуда как на ладони простерлись Ереван и Арарат во всем своем величии...

Вдруг Юрий Михайлович продекламировал Чаренца:

*Для сердца, полного тоски, милей мечты на свете нет,
Кучака и Нарекаци умов светлей на свете нет,
Горы древней, чем Арарат, вершин белей на свете нет,
Как славы недоступной путь, Масис суровый мой люблю!*

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Когда работал над этой книгой, мне позвонили из Коммунарска. Сообщили, что собираются торжественно отметить 90-летие Юрия Михайловича Воеводина. Пригласили участвовать в юбилейном вечере и просили высказаться о незабываемом человеке и деятеле, нашем ректоре, чтобы вместе с другими подобными материалами поместить в юбилейном сборнике.

Я с благодарностью принял предложение.

И решил эту мою скромненькую книжку воспоминаний в качестве своеобразного эпилога дополнить также текстом выступления, отправленного в Коммунарск, и получившего «добро» моих друзей — организаторов юбилея. Озаглавил это мое слово так:

ЗВЕЗДА ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА

Сколько волнующих, эмоциональных моментов переживаем мы, вспоминая безвременно ушедших близких. Особенно тех, кто, подобно звездам, осветили наш жизненный путь, придали смысл и содержание нашим юношеским порывам, сделали так, чтобы теневые стороны наших действий, коих, увы, немало, не воспринимались болезненно и не превращались в препятствия, отравляющие наши будни. Не будем преувеличением, если скажу, что Юрий Михайлович Воеводин воодушевлял всех, настраивал на более эффективную работу, с каким-то очарованием говорил о призвании человека, важнейших проблемах его воспитания, о будущем. Он концентрировал внимание на той или иной стороне нашей деятельности, делая точнейшие заключения о наших реальных возможностях, объяснял, что способности, как бы ни были важны, не способны обеспечить полноценный результат без преданности и беззаветного труда.

Однажды в беседе со мной, он сказал, что каждый человек, а тем более преподаватель, педагог, должен быть окружен беспредельно дорогими для него людьми, личностями, готовыми ради него пожертвовать частью собственной души, ее силы, одарить любовью и восторгом, руководствоваться тем восприятием, что прелести жизни, величие быта скрываются в пригодности людей. Когда же ты верен своему долгу и приз-

ванию, своей стране и родине — не сомневайся, что вкладываешь высочайший смысл в свою работу, свое человеческое существо, свой душевный строй, вообще, в переполняющую тебя доброту...

Позже я неоднократно убеждался, что именно он был самой яркой личностью в моем окружении, ему я обязан всем, чего сумел достичь в жизни, всегда стремясь проявить себя наилучшим образом — в сложных гражданских, общественных ситуациях, односложных сферах жизни, служа тому, чтобы хоть чуть-чуть увеличить радость людей.

Будучи заслуженным ученым и педагогом в классическом смысле этого слова, Юрий Михайлович сохранял в себе детские черты характера — непосредственность с ее непреходящими качествами, яркое эмоциональное отношение к окружающим, способность всем сердцем откликнуться на тяжелые ситуации в жизни людей и радостные переживания. Искренняя эмоциональность, столь щедро пульсирующая в сердце Юрия Михайловича, была зрима в его повседневной работе, во всех видах деятельности — от научных форумов до крепкого рукопожатия с сотрудниками.

Мы очень любили его, готовы были выполнить любое его поручение, и чувствовали себя морально вознагражденными, когда он с удовольствием узнавал, что поручение выполнено, преодолены те или иные трудности при решении задачи.

Не думаю, что этим своим отношением он, как говорится, излишне смягчал, расслаблял наш дух гражданина страны, исполнял роль мелочной няньки или надсмотрщика. В моем представлении, он был примером безупречного советского гражданина — исключительно отшлифованным примером для подражания. И мы обязаны были быть такими же, особенно в соб-

людении общественной и трудовой дисциплины, в поведении.

Помнится, однажды он вызвал меня в кабинет и мягко укорил, что я не побрился. Казалось бы, не слишком серьезный вопрос, но Юрий Михайлович, я бы сказал, подобно заботливому родителю, заметил, что, возможно, я не успел — что простительно, лишь бы это упущение не переросло в привычку... И студенты, и преподаватели должны были приходиться на занятия опрятно одетыми, побрившимися, с примерной внешностью... Для Юрия Михайловича не существовало мелочей...

В таких вопросах он был немногословен, но с течением лет выработал своеобразную систему общих привычек, поведения, и мы, можно сказать, свято следовали установленному в институте порядку, неписанным, но уже имеющим силу закона нашим большим и малым обязанностям, дисциплинарному «кодексу».

А его выступления, посвященные программным задачам. Мне выпало счастье участвовать в рождении, становлении родного и близкого мне горнометаллургического. Да, рождении, поскольку то, что создавалось на моих глазах, можно считать именно рождением. Я видел, как быстро строился центральный корпус, как за считанные месяцы выросли другие учебные корпуса, одновременное сооружение четырех девятиэтажных общежитий. А затем — обустройство, озеленение территории...

Сотрудники института, говорили о чуде, и сами рождали это чудо. Например, значительная часть обустройства была выполнена нашими руками, сотрудников. Лозунг «Все делаем сами» преисполнил всех необычайным воодушевлением, глубоким досто-

инством, вдохновляющим чувством возведения родного дома. Совместная работа - безропотно, без малейшего намека на трудности, - превращалась в праздник, а Юрий Михайлович был «умом, честью и совестью» всего этого. Подлинным праздником стало, в частности, открытие огромной библиотеки...

Затем вновь строились новые корпуса, лаборатории, игровые площадки, дом отдыха (на берегу Азовского моря), целый строительный поселок, о чем говорила вся республика.

Созданная Юрием Михайловичем обстановка была такова, что почти все организации города, и конечно в первую очередь строительные, помогали чем могли, чтобы даже казавшиеся невероятными программы час за часом претворялись в жизнь, программы, которые мы видели на схемах и плакатах в вестибюле института и не допускали сомнения, что нам, новичкам, выпадет счастье пользоваться новыми возможностями, предоставленного родным институтом.

Трудовые успехи вскоре удостоились общественной известности. Каждый гражданин Коммунарска, если был наделен чувством гордости за свой город, в душе должен был беречь имя Юрия Михайловича Воеводина, видя в его лице деятеля, живущего новыми, невероятными перспективами развития...

Когда первый секретарь ЦК Компартии Украины Щербицкий путешествуя по республике, несмотря на сверхзагруженность графика визита, не обошел вниманием наш институт, мы встретили его на территории у входа. Двор был белым от выпавшего снега и сотен голубей на нем, что создавало подлинно райскую картинку. Секретарь, поздоровавшись с ректором, положив руку ему на плечо и обернувшись к собравшимся сказал: «Юрий Михайлович, спасибо, что

Вам удалось создать известный в республике вузовский очаг образования, спасибо ученым и преподавателям Вашего института, студенчеству, что преисполнили наши сердца чувством гордости за руководимое Вами учреждение... Вы хорошо знаете Ваши проблемы, можете выявлять и своевременно решать их, до свидания и спасибо».

Позволю себе сказать, что Юрий Михайлович обладал исключительным талантом руководителя, всех восхищал и поражал глубиной своих знаний, осведомленности о былых и новых цивилизациях. Кстати, прекрасно знал также ценное духовное, в частности научно-образовательное наследие всех времен моего родного народа. Но при всем этом никогда не кичился тем, что обладает столь необычными знаниями. В этом мы убеждались в будничном общении, часто задумываясь о собственных недостатках и несовершенстве. Моя работа давала возможность встречаться со многими замечательными людьми, подлинными патриотами, созидателями, но так и не смог провести параллели между кем-либо из них и Юрием Михайловичем. Пусть простят меня друзья, но истина такова...

Не сказал бы, что все работы института носили исключительно героические акценты, но деятельность Юрия Михайловича отличалась множеством признаков исключительности, героизма — знания, организаторские способности, высокие моральные качества, исключительная способность создавать единство коллективных усилий, воля создавать плодотворную рабочую атмосферу... Он был Человеком с большой буквы, который никогда не зазнавался, презирал почитание как таковое и всегда чувствовал и вел себя как один из всех и неотделимый от всех.

Выделю особо его талант общаться с людьми. Даже

при первом общении с незнакомым человеком ему удавалось проникнуть в душу собеседника, настроить его на трезвый деловой подход...

О роли Воеводина в моей личной жизни я попытался рассказать в отдельной книге, которую посвятил родному институту, где учился и работал около двадцати лет, затем был приглашен на партийную работу в Армению. Я всегда сравнивал его с отцом, погибшим в Великой Отечественной войне, считал его внимание, заботу сугубо родительской, добрую опеку — безграничной...

...Мой родной Ехегнадзор окружен утесами, вершины которых теряются в облаках, на серпантинах полевых дорог бьют кристально чистые родники... По давней своей привычке я часто посещал садоводов, чабанов, животноводов, и возвращался домой уже при свете звезд. После дневного круговорота дел, бывало, садились у родника, чтобы насладиться воздухом и прохладой наших утесов. Я любил ложиться в траве и, закинув руки за голову, устремлять взор в бескрайность неба... Небо же было буквально на расстоянии человеческого роста от нас, протяни руку — и коснешься облаков, звезд. И здесь, среди бесчисленных звезд, я часто искал Звезду обожаемого Юрия Михайловича. Наверное, там же есть и моя звезда, годы назад мелькнувшая в далеком Коммунарске. И останутся в моих воспоминаниях до конца дней моих его и моя звезды...

Ефрем Багратович ТАДЕВОСЯН,
Академик

31.03.13

Ефрем ТАТЕВОСЯН
«ВОЕВОДА» ВОЕВОДИН

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЛГ СЕРДЦА.....	3
С ГЛУБОКИМ ЧУВСТВОМ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ.....	7
ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ И... НАВСЕГДА.....	11
«ВСЕ РАБОТЫ – СВОИМИ СИЛАМИ!»	23
КОГДА СЛЕЗЫ СОЧИЛИСЬ ИЗ СЕРДЕЦ... ..	35
ПО ЗОВУ «АРАРАТА»	37
«НА КОВЕР»	40
«ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ НА ТВОЕМ МЕСТЕ...»	43
БЫВАЕТ И ТАК.....	48
«САМОЕ-САМОЕ...»	52
СЕРДЕЧНАЯ БЕСЕДА	67
МОЯ ЛЮБОВЬ: СО МНОЙ И ВДАЛИ ОТ МЕНЯ	84
ДОРОГА ВЕДЕТ К ХРАМУ	86
ТЮМЕНСКИЙ ОПЫТ И ИСПЫТАНИЕ	92
И НЕМНОЖКО... УЛЫБКИ	96
НЕСКОНЧАЕМЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ЗАБОТЫ... ..	103
ПОКЛОНЕНИЕ АРМЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ.....	111
ВМЕСТО ЭПИЛОГА.....	117
ЗВЕЗДА ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА	118





Ефрем Татевосян

Ефрем Багратович Татевосян родился в селе Хачик Ехегадзорского района Армянской ССР.

Учился в местной средней школе, служил в Советской армии, окончил строительный факультет Горно-металлургического института в городе Коммунарск Украины (ныне Донбасский государственный технический университет) и в том же институте работал преподавателем.

В 1979 году по приглашению ЦК КП Армении перешел на работу в Ехегадзорский партрайком, был избран секретарем райкома.

Ныне занимается общественно-политической деятельностью.

Почетный гражданин города Ехегадзор.

Академик.

Е. Б. Татевосян в последние годы выступил автором ряда интересных публицистических статей, освещал современную общественно-политическую жизнь Армении.